

Татьяна
Ериик

Серебро ночи:
- ТЕТРИУС -

Книга первая

Annotation

Государству Терминус грозит опустошительная война. Для объединения народа нужен король, но королевский род прервался пятьсот лет назад. Желаящих провозгласить себя королем много, но для того, чтобы править страной, необходимо воссесть на древний трон. А магический трон уничтожает всех, в ком нет королевской крови.

Татьяна Герцик

Серебро ночи. Тетриус. Книга первая

© Татьяна Герцик

* * *

В мрачном предчувствии болезненно забилось сердце. Король Терминуса с силой сжал подлокотники глубокого кресла. После отъезда любимой дочери к мужу в Северстан все шло наперекосяк. Желание защитить Люсию привело к страшной ошибке.

Старый король с горечью положил ладонь на висевший на шее пронзительно-синий Примум, часть магического камня, много веков защищавшего королевский род. Решение разделить амулет на три части оказалось роковым. Отправленный с дочерью второй осколок, Секундо, для Терминуса теперь утрачен. И вряд ли он сможет спасти от невзгод его дочь, отданную в жены королю Северстана Ульриху. Люсия говорила ему об этом, со слезами умоляя не разбивать Инкусс, не послушал. Зря.

В коридоре раздался шум, и король стремительно поднялся, обуреваемый страхом.

В покои вбежал сенешаль с каплями синей крови на тунике. Упал на одно колено, прижал руки к груди и хрипло, с трудом, выговорил:

– Ваше величество, принц ранен!

Король пошатнулся. Сын, единственный сын, наследник престола, ранен?

– Как это произошло? – он старался хранить спокойствие, но голос предательски дрогнул.

– Мы попали в засаду. Разбойников было слишком много. Они рвались к принцу. Только к нему. И он ранен. Рана серьезная. Мы не смогли его уберечь.

– Я понял. Где он?

– В лекарьских покоях.

Король стремительно пошел к выходу. До лекарей он дошел быстро и в тоске остановился над израненным сыном. Вся его одежда была залита синей кровью, драгоценной королевской кровью. Принц еще дышал, хрипло и со стоном. Король простер над ним руки, и страшные раны начали затягиваться, кости срастаться. Через несколько минут внешне принц был здоров. Но дышал он все реже и реже, и мертвенно синели губы.

Король бессильно опустил руки.

– Я не смогу вдохнуть в него жизнь. Кровь не лечит кровь. Слишком близкое родство.

Он с горечью посмотрел на кольцо с Тетриусом, третьей частью Инкусса, надетом на палец сына. Осколок не защитил наследного принца от рокового удара. Не смог или не захотел? Возможно ли, чтоб амулет мстил за себя, за свое разделение?

Король поднял голову кверху, печально взглянул на небо и застонал. Он последний в роду. С ним династия королей Терминуса, династия, которой более тысячи лет, прервется. Что будет со страной, с народом?

Подозвав придворных, приказал переодеть сына в чистую одежду, перенести в тронный зал, возложить его на трон и оставить зал пустым. Придворные удивленно переглянулись, но поспешили выполнить приказ.

В последний раз взглянув на сына, король медленно прошел в свой кабинет. Секретарь почтительно склонился в низком поклоне. Король кивнул ему, сел в глубокое кресло и задумался.

– Пишите, Абтерно. Королевский указ.

Секретарь быстро сел к своему столу и взял в руки перо.

– Вы и ваши потомки назначаются хранителями королевской печати. – Абтерно

изумленно поднял голову, но тут же ее опустил, спеша записать указания последнего короля Терминуса: – Наместником королевства назначаю Медиатора, моего верного помощника. Над дворянством – герцога Ланкарийского. Наместник не имеет права решать дела дворянства, так же как и глава дворянства не может вмешиваться в решения наместника по управлению страной.

Король еще долго перечислял обязанности и права наместника и знати, Абтерно быстро писал, думая об одном: король разграничил сферы влияния в королевстве, но проложил непреодолимую черту между наместником и дворянством. Кто знает, во что выльется это противостояние в будущем?

Закончив диктовать, король тяжело поднялся и направился в тронный зал. Стоявшие в коридоре придворные низко склонились, приветствуя повелителя. Приказав открыть дверь, король первым вошел в зал.

На троне никого не было.

Раздался крик всеобщего ужаса и изумления.

– Ваше величество, он только что лежал здесь! Мы вышли всего несколько минут назад!

Король положил руку на трон и склонил седую голову.

– Что ж, есть слабая надежда, что королевский род все-таки не прервется.

Глава первая

Узкая дорога, засыпанная мелким речным песком, змеилась по взгорью на запад. Вокруг раскинулись бесконечные поля с желтеющей пшеницей; вдоль полей, нарушая однообразие, тут и там высились одинокие чахло-зеленые кустарники. Пустые поля выглядели неприкаянными, время страды еще не пришло. Дул слабый ветерок, гоня легкие полупрозрачные облака по небу и вздымая белесую пыль на земле.

По выющейся меж полями дороге мчалась запыленная дорожная карета гнетущего черного цвета без гербов и геральдических знаков. Лишь по красным полосам на ободьях колес можно было догадаться, что внутри не простые пассажиры. На высоких козлах сидели двое – немолодой молчаливый кучер и коротенький худощавый грум, оба в простых темно-коричневых кафтанах.

Позади к карете был привязан породистый жеребец редкой золотистой масти. Четверка серых лошадей, запряженная в карету попарно, заметно устала, но не сбавляла хода, подгоняемая уверенной рукой кучера. Бежавший налегке жеребец был свеж и игрив, для него длинная дорога была всего лишь приятной пробежкой.

Встречавшиеся на дороге груженные крестьянские повозки испуганно жались к обочине, пропуская экипаж, и простолюдины озадаченно смотрели вслед, не понимая, кланяться им или нет.

Грум с сочувствием посмотрел на уставших лошадей и негромко заметил:

– Их надо менять.

– Доедем до деревни Контрарио, там и остановимся на роздых, – кучер равнодушно взглянул на тяжело дышащих лошадей. – Ничего с ними не станет, и не такие перегоны одолевали. Порода она порода и есть.

Грум беспокожно поежился.

– Ты в самом деле так спокоен или прикидываешься? Меня до печенок пробирает, когда я одно только слово «Контрарио» слышу.

– Послужишь с мое, привыкнешь, – и кучер щелкнул бичом над головами лошадей. Те дружно прибавили ходу.

– Я не слыхал, чтоб маркиз Пульшир был замешан в каких-то скандалах с наместником.

– Он ни в каких скандалах не замешан. – И кучер зловеще добавил: – А вот во всяком другом...

Грум побледнел и испуганно оглянулся на карету. Запыленное оконце позади было пусто, и он, понизив голос, опасливо спросил:

– Крамола, что ли?

Кучер гневно погрозил ему кулаком.

– Помалкивай знай! Не то худо будет! И не тебе одному!

Грум тут же замолчал, судорожно сжимая в руках тяжелый арбалет. Но мало-помалу, глядя на однообразный пейзаж, расслабился и снова заговорил.

– Ты когда-нибудь бывал в замке Контрарио?

Кучер недовольно покосился на него и нехотя ответил:

– Нет. И не хочу.

– Я тоже не хочу. О нем столько жути говорят, лучше туда не попадать.

– И не попадешь, – насмешливо пообещал кучер.

– Но мы же туда едем?

– Это господа туда едут, а не ты.

– Но ведь мы-то с ними!

– Не думаю, что нас кто-то пустит в замок. Он охраняется почище королевского. А ты запросто можешь быть вражеским лазутчиком. И донесешь наместнику, чего не надо.

Грум вскинулся, но, поняв, что его просто провоцируют на ссору, нахохлился, как замерзшая пичужка. С горечью заметил:

– Тебе бы все скалиться, доброго слова от тебя не дождешься.

Насмешливо скосив глаза на грума, кучер осклабился в издевательской усмешке. Грум обидчиво отвернулся, и дальше они ехали уже в полном молчании.

Внутри кареты на мягких сиденьях с подушками неожиданно яркого алого цвета сидели четыре господина, все в черном, будто в трауре. Один из них, высокий молодой мужчина, спал, удобно развалившись на подушках, вытянув ноги и скрестив руки на груди. Длинное тело повторяло все повороты кареты, но господин не просыпался даже при самых опасных кренах, лишь недовольно всхрапывал, когда его голова ударялась об мягкую обивку.

Худой старик, сидевший напротив, презрительно посматривал на него, скривив тонкие губы, но молчал. В руке он держал белоснежный батистовый платок с вензелем, вышитым золотой канителью. Периодически промокал им узкое потное лицо, при этом его пальцы с опухшими суставами сгибались с неприятным суховатым треском.

При очередном всхрапе визави выцветшие от старости голубые глаза сузились от злости; он давно жаждал излить на попутчиков свое недовольство.

– Какого лешего мы поехали в такую даль в черной карете? Здесь же настоящее пекло! – в который раз пожаловался он соседям. Те одновременно посмотрели на него, но промолчали. Тогда он прямо объявил: – Это ваша недалёковидность, маркиз!

В ответ сидевший наискосок от него томного вида господин в бархатном черном камзоле с серебряным галуном и бриллиантовой брошью в пышном жабо, с красивым, но порочным лицом, только небрежно пожал плечами.

– Это единственное, что у меня оказалось без опознавательных знаков. Если вы так недовольны отсутствием привычных удобств, лэрд, почему не поехали в собственном экипаже?

Старик ворчливо заметил:

– По той же причине, что мы едем сейчас в этой колымаге – у меня нет экипажей без гербов! И от неудобного сиденья у меня опять разыгралась подагра! Я еле сижу!

Маркиз с затаенной язвительностью ответил:

– Тогда терпите, что нам еще остается? Или спите, как сэр Фугит.

Лэрд небрежно махнул платком в сторону спящего.

– Я ему завидую, но спать в экипаже не могу. Я и в собственной-то постели сплю плохо.

– Надеюсь, граф предоставит нам ночлег в своем замке? – раздался низкий звучный голос сидевшего рядом с лэрдом плотного мужчины с темным от загара лицом, одетого, в отличие от спутников, в просторный кафтан плотной шерсти почти крестьянского покроя. Его черты были жестче, чем тонко вырезанные аристократичные черты маркиза. Но лицо казалось гораздо привлекательнее, возможно, потому, что на нем лежала печать врожденного благородства. – Не хочу ехать обратно в темноте. Разбойников я не боюсь, но оказаться посреди ночи в перевернутой карете из-за плохой дороги или недосмотра кучера не желаю.

Собеседники огорошено посмотрели на него.

– Бог с вами, нескио! О каком ночлеге у графа может идти речь? Все знают, что в замке Контрарио оставаться на ночь нельзя! – лэрд не мог понять легкомыслия собеседника.

В ответ тот высокомерно пожал плечами.

– Я знаю множество нелепых сказочек о замке графа и самом графе. Но не думаю, что мы должны в них верить.

– А я верю! Более того, даже не верю, а доподлинно знаю, что в замке графа, да и с самим графом, неладно! – запальчиво признался маркиз. – Тому есть множество подтверждений!

– Которые при ближайшем рассмотрении оказываются досужим вымыслом простолюдинов. – нескио с полупрезрительным прищуром посмотрел на обеспокоенного маркиза. – И вы дрейфите, слушая эти глупости?

Маркиз нахмурился. Он не выносил, когда ему намекали на трусость. Иногда он бывал осмотрительным, возможно, на чей-то пристрастный взгляд и чрезмерно, но именно его здравый смысл позволял ему оставаться в живых тогда, когда неосмотрительные гибли.

– Нескио, вы можете остаться в замке. Если любите неоправданный риск. Но мы с лэрдом, – тут он вопросительно посмотрел на старика, твердо кивнувшего ему в ответ, – сочтем возможным снизойти до обычного постоянного дома в деревне графа. Хочу напомнить, что вы последний в роду, и наследников у вас нет. Может, стоит быть поосторожнее?

Губы нескио тронула горькая улыбка.

– Вы правы. Последний. Но, – он решительно рубанул рукой, – я не буду прятаться в деревне. Раз граф нас пригласил, я вправе рассчитывать на пристойный ночлег в его замке!

Карета замедлила ход и остановилась. Отодвинув пропыленную шторку, маркиз попытался посмотреть в круглое окошко.

– Дьявол, все в пыли, ничего не видно!

Дверь распахнулась, и грум торопливо опустил подножку.

– Деревня Контрарио, господа! Мы у постоянного двора. Может быть, вы хотите передохнуть?

Лэрд утомленно согласился:

– Непременно! – и принялся осторожно спускаться по ступенькам.

Грум учтиво поддержал его под локоть, заслужив милостивый кивок. Остальные неохотно последовали за ним.

– Для чего останавливаться в паре шагов от цели? – нескио не скрывал недовольства. – Замок уже виден. – И он кивнул вперед.

Остроконечный замок и в самом деле виднелся вдаль. Он горделиво возвышался на крутой горе, видимый среди ровной степи издалека, как маяк на море. Темные башни острыми пиками врезались в синее небо, пронзая его, как мечами.

Лэрд посмотрел на замок и передернулся.

– Вам это, с позволения сказать, жилище не внушает некоторую тревогу?

Нескио фыркнул, как большая дикая кошка.

– Внушает, не внушает, что за глупости? У нас что, есть выбор? Надо ехать, несмотря ни на какие опасения.

Пристально рассматривающий очертания замка маркиз повернулся к спутникам.

– Конечно, мы поедem, но не прежде, чем передохнем и подкрепимся. Мне не хочется обедать в замке.

Нескио презрительно хохотнул.

– Боитесь, граф нас отравит?

– Вовсе нет. Зачем ему терять своих и без того малочисленных приспешников?

Нескио вскинулся.

– Приспешников, маркиз? Вы правильно выбрали слово?

– Абсолютно. И не пытайтесь переубедить меня, что граф видит в нас соратников. Мы для него только исполнители его воли. И если не поостережемся, так оно и будет. Вы же знаете, что в свое время стало с бароном Оттавио?

Нескио промолчал, мрачно сведя брови.

– Вот именно! – с удовлетворением констатировал маркиз. – Он ехал к графу кровным врагом, а вернулся вернейшим его вассалом. О чем это говорит?

– Возможно, граф обладает мощным даром убеждения?

– Граф обладает магическими способностями, нескио! И он это доказывал не раз. Не публично, но весьма наглядно. У него слишком большие возможности для обычного человека.

– Или он какими-то путями завладел Тетриусом.

Маркиз несколько минут осмысливал его слова. Потом неохотно согласился:

– Возможно. Хотя я никогда не слышал, чтоб осколки Инкусса обладали подобными свойствами.

– Мы вообще не знаем, какими свойствами обладают Тетриус, Секундо и Примум. И что будет, если их соединить в один.

– Инкусс?

– Вот именно.

– Мы не знаем, возможно ли это. Инкусс был расколот, никто не знает, когда и зачем. Все знают лишь одно – именно после этого королевский род пресекался.

– Значит, надо добыть камни и соединить их в один, только и всего, – сделал насмешливый вывод нескио.

– Вы правы, нескио, как всегда. Проще и быть не может, – саркастично согласился с ним маркиз.

Лэрд, пристально оглядывавший окрестности, поторопил попутчиков:

– Если хотим успеть вернуться из замка до захода солнца, нужно спешить. – И пошел навстречу кланяющемуся у порога хозяину в не слишком чистом клетчатом фартуке.

Нескио спросил у владельца экипажа:

– Лошадей менять будем?

Маркиз отказался:

– Нет. Уверен, граф уже прислал за нами свой экипаж. Так что нам нужно будет только пересесть из одной кареты в другую. О наших лошадях позаботятся мои слуги. Вы поедете верхом на своем коне, нескио?

– Однозначно. Иначе как я утром вернусь из замка? Не хочу ничем быть обязанным графу.

Маркиз траурно помолчал, будто стоял над свежевырытой могилой.

– Вы слишком опрометчивы, нескио, но это ваше дело. Что будем делать с Фугитом? Может, оставим его храпеть в карете и дальше? Не думаю, чтоб он нам понадобился.

– Согласен. Но тем не менее придется будить этого субчика. Я дал слово сэру Паккату, что его блудный младший сын непременно побывает в замке графа. Не понимаю, для чего он навязал его нам? Совершенно бесполезная обуза.

Маркиз открыл дверь кареты и не снижая голоса пояснил:

– Да чтоб отдохнуть от его выходок хотя бы пару дней. Вы что, не знаете, что Фугит совершенно неуправляем? Сэр Паккат с ним сладить не может. Наш замечательный наместник несколько раз предупреждал его о недостойных поступках сына. И в этом я с ним полностью солидарен. Даже жаль, что Медиатор ничего не может сделать с подобными распутниками.

– Возможно, сэр Паккат отправил его с нами, чтоб отдохнуть от него, а, возможно, и избавиться. Он же не старший сын, насколько я помню?

– Третий. От второй жены, из Сордидов. Абсолютный развратник. Дурная кровь, что поделаешь. Вы же знаете, род Сордидов исстари славился подобными недоумками.

Чуть заметно усмехнувшись, ведь род маркизов Пульшир в этом отношении был прославлен не менее, нескоро желчно произнес:

– Вот еще один пример того, что нельзя идти на поводу животных инстинктов. И этим грешит не один только сэр Паккат. Медиатор в этом тоже замечен.

– Вы имеете в виду Зинеллу?

– Вы угадали.

– Но наместник на ней не женился.

– Да, он не такой дурак. К тому же его старшие сыновья категорически против. Говоря это, нескоро решительно потряс за плечо сэра Фугита.

– Ну же, просыпайтесь! Или вы не намерены ехать к графу?

Фугит с трудом открыл заплывшие глаза.

– Какого лешего ты меня будишь, свинья? – его рука принялась нашаривать плетку, с которой он не расставался. – Вот я тебе сейчас!

– Не путайте меня со своим несчастным камердинером, Фугит! – свирепо прикрикнул на него нескоро. – Я всегда могу дать сдачи, вам это вряд ли понравится.

Сэр Фугит наконец-то разглядел, кто перед ним.

– А, нескоро! – он выпрямился и зевнул, обдав собеседников запахом мерзкого перегара. Посмотрел вокруг и удивился: – Где это мы?

– У замка графа Контрарио.

Фугит озадаченно потер лоб.

– А я что тут делаю?

– Едете к нему по поручению отца.

Фугит поразился еще больше.

– Меня сюда послал отец? Зачем? Ничего не помню!

Маркиз сардонически уточнил:

– Ничего удивительного! Вас погрузили к нам в карету в совершенно неупотребительном состоянии.

Фугит в данном состоянии ничего странного не увидел, оно для него было вполне привычным. Поправил мятый камзол с жирными пятнами на животе и небрежно осведомился:

– А что отец велел передать мне?

– Совершенно ничего. Сказал, что вы все знаете.

– Знаю? – Фугит в замешательстве покрутил круглой головой. – Ничего я не знаю. Или не помню, что одно и то же. – Поскольку не в его привычках было переживать по столь ничтожному поводу, он с трудом выбрался из кареты, покачался на плохо держащих его ногах

и чему-то хрипло рассмеялся. – А вчерашняя курочка была весьма неплоха! – доверительно сообщил он попутчикам. – Сначала кудахтала, что не хочет, а после потребовала, чтоб я на ней женился! Вот была потеха!

Маркиз скучно предложил:

– Пройдемте в помещение, Фугит. И оставьте свои впечатления об очередной своей оргии при себе. С нами лэрд, он не любит таких вещей.

– Как, и этот нудный старикан тоже здесь? Я этого гнусного проповедника терпеть не могу! – Фугит сделал шаг, но споткнулся о лежащий на дороге камень, пошатнулся и цепко ухватился за маркиза. Тот сердито посмотрел на грязную руку Фугита, но промолчал. – За что мне такое наказание?!

В другое время маркиз с удовольствием объяснил бы ему за что, но под нетерпеливым взглядом нескоро молча увлек любителя разгульной жизни внутрь постоянного двора. Нескоро вошел последним, дав на прощанье слугам несколько распоряжений.

Внутри было довольно прохладно, и путники расположились за длинным некрашеным столом в удобных глубоких креслах.

– Хорошо, что трапезная отделена от кухни, не то бы мы сварились от жары. – Лэрд уже сидел в кресле, томно обмахиваясь все тем же платочком, но теперь уже отнюдь не белоснежным. – Граф предупредил трактирщика о нашем приезде, поэтому еды вдоволь. Я взял на себя смелость заказать каждому по жареному каплуно, один на всех рыбный пирог, он большой, на десерт засахаренные фрукты. Сейчас принесут. Думаю, нам хватит. Не стоит обедаться перед дорогой.

Показался хозяин с большим подносом. Составив тарелки перед дорогими гостями, низко поклонился и исчез.

– Вы бывали в замке Контрарио, лэрд? – нескоро разорвал руками на несколько частей своего каплуна и с аппетитом принялся за еду, казалось, вовсе не интересуясь ответом.

Лэрд аккуратно отрезал кусок пирога и принялся его разглядывать, будто боялся отравиться.

– Бывал. В те времена, когда нынешний граф был еще виконтом. Но не думаю, что с той поры многое изменилось.

Первым делом подкрепившийся бутылкой красного вина Фугит икнул и довольно заметил:

– Неплохое вино для деревенского трактира.

– То есть вы не станете бить трактирщика кнутом, Фугит? – маркиз явно издевался над навязанным попутчиком. – Хотя вам, кажется, на прошлой неделе тоже досталось?

Фугит раздраженно привстал.

– Я бы всыпал этому наглому трактирщику как следует, если бы не вмешался этот проклятый Сильвер!

– И что, какой-то ничтожный младший сын наместника не дал потомку знатного рода Паккатов проучить зарвавшегося простолюдина? – маркиз скорчил недоверчивую гримасу. – Как такое могло случиться?

Не понимая, что над ним смеются, Фугит принялся горячо оправдываться:

– Он был не один, а со своим другом, между прочим, вашим наследником, лэрд! И этот проклятый Сильвер посмел отобрал у меня плетку и пару раз прошелся ей по моей спине! И еще заявил, что не потерпит произвола в своем присутствии!

– И вы были принуждены отступить, хотя никому и никогда не уступаете?

– Это еще не конец! – хвастливо пообещал Фугит. – Мы с Медиаторами еще встретимся!

– Никому не посоветую встречаться в бою с Сильвером, – несклю спокойно пил вино, исподволь поглядывая на лэрда, взбешенного упоминанием своего наследника вкупе с представителем ненавидимого им рода Медиаторов. – Он опытный и умелый воин. Нам с ним не раз приходилось сражаться бок о бок.

Фугит скривился.

– Я бы никогда не стал сражаться вместе с вырожденками Медиатора! Этого не позволяет моя честь! – выпрени заявил он и почесал длинный нос.

Несклю с шумом поставил бокал на стол.

– Вы вообще не сражаетесь, Фугит! Вы и не знаете, что такое честный бой! В отличие от ваших старших братьев, которых я уважаю, вы не достойны ни уважения, ни доверия!

Фугит вспылел.

– Может, выясним наши отношения на мечах? И не забывайте, что я уже убил девятерых! Не хотите быть десятым?

– Глупец! На моем счету сотни, если не тысячи жизней! Но жизней врагов, а не соотечественников!

Фугит встал и угрожающе двинулся на несклю. Тот, даже не вставая с места, толкнул Фугита так, что он пролетел через всю немаленькую трапезную и растянулся у порога.

В это время открылась дверь, и трактирщик, неся большой поднос, сделал шаг вперед. Запнулся за лежащего гостя, пошатнулся и уронил на него с бронзового блюда засахаренные фрукты.

Неистово взыв, Фугит вскочил и бросился на трактирщика. Тот заслонился подносом, как щитом. Несклю гаркнул:

– А ну, сядьте, Фугит! Или я буду следующим, кто обломает о вас свой кнут! Не забывайте, что без герцога Ланкарийского главой аристократии являюсь я и имею на это полное право! А уж добротную оплеуху от меня вы как-нибудь точно схлопочете!

Фугит немного помедлил, отряхиваясь от облепивших его сладких фруктов и справляясь с собой. Потом сел за стол и хмуро произнес:

– Что вы все время заступаетесь за этих ничтожеств, несклю? Может, вы с ними заодно?

– В отличие от вас я понимаю, что в стране должен быть порядок. Только тогда она может считаться государством, а не сборищем варварских племен, как имгардцы, которые не дают нам жить спокойно. Кстати, предлагаю вам на отражение следующего набега ехать со мной. Думаю, ваш многострадальный батюшка отпустит вас с превеликим удовольствием.

Фугит замешкался с ответом. Спасая его от обвинений в трусости, лэрд поспешно спросил:

– Вы знали покойную графиню, господа?

– Моя мать приходилась ей какой-то родственницей. – Фугит явно обрадовался перемене разговора. – Вот только не помню, с какой степенью родства.

Его слова дали повод маркизу спросить с притворной учтивостью:

– А чем теперь занимается ваша почтенная матушка? Что-то ее давно не видно в свете.

Любящий сынок с вызовом ответил:

– Моя почтенная, как вы красиво изволили заметить, матушка, давно заточена в один из самых строгих монастырей королевства. И не делайте вид, что вы этого не знаете. Впрочем, она не горюет. Ей и там неплохо. Она везде найдет способ недурственно развлечься.

Прекрасно знавший об этом маркиз брезгливо отщипнул кусочек каплуна. Медленно

прожевал и отодвинул в сторону. Его изнеженному желудку местная пища пришлось не по нраву.

Первым трапезу закончил Фугит, уныло посмотревший на свои пустые тарелки.

– Что ж, остается надеяться, что граф окажется щедрее и не станет морить нас голодом.

Сотрапезники с откровенным презрением посмотрели на него, но никто ему не возразил.

Закончив обед, вытерли руки о застиранное полотенце, висевшее у дверей. Маркиз, посчитав, что раз все приехали в его экипаже, то считаются его гостями, заплатил за всю компанию. Лэрд, вытащив кошель, все тем же ехидно-учтивым тоном предложил разделить с ним тяготы пути, но маркиз решительно отказался.

– Неужели вы считаете, что пара монет для меня неподъемная сумма?

– Все нет, маркиз. Но в таком путешествии все должно быть поровну, вы не находите?

– Ерунда! Возможно, нас еще ждут впереди испытания, но они никакого отношения к нашим финансам иметь не будут.

Но лэрд был настроен скептически.

– Не знаю, не знаю. Я на всякий случай передал все свое имущество, кроме наследственной части, младшему сыну.

– Вы не доверяете своему наследнику?

– Скажем так, не вполне. – Лэрд кисло улыбнулся. – Вы же знаете, как Алонсо дружен с Сильвером. Фугит только что привел весьма наглядный пример.

– Ну, они же росли вместе.

– Да, наши поместья расположены рядом. Но я ничего не знал об этой дружбе, пока не стало слишком поздно. Теперь Алонсо постоянно ошивается у наместника. Я ему о своих делах ничего не говорю.

– Но, с другой стороны, иметь своего человека в стане врагов порой очень выгодно, не так ли? Можно узнать кое-что, не предназначенное для чужих ушей. Если задавать умные безобидные вопросы. – Маркиз усмехнулся с неприятным намеком.

Лэрд проницательно посмотрел на собеседника, но сказать ничего не успел, их сурово окликнул нескио.

– Поторопитесь! Карета графа ждет нас у дороги!

Лэрд с маркизом вышли со двора и увидели карету, запряженную четверкой черных породистых лошадей с белыми плюмажами. Карета изысканно-лилового цвета была изукрашена символами Сордидов – странными белыми цветами, помесью лилии и мака. На дверцах был такой же непонятный цветок, но уже из серебра.

На козлах гордо восседал рослый кучер с разбойничьим лицом, обезображенным глубоким шрамом от виска до подбородка, в лиловой ливрее с позументами из серебряной канители. На передней лошади сидел невысокий фореитор с цепким взглядом маленьких узких глазок и в такой же ливрее.

Не обращая внимания на недовольные взгляды графской прислуги, нескио вскочил на своего коня и поскакал вперед.

Устроившись внутри на мягких подушках, Фугит насмешливо заметил:

– Граф до сих пор не поменял свои экипажи? Этот наверняка был дан его матушке в приданое, здесь все просто кричит о Сордидах.

– А зачем ему что-то менять? – удивился практичный лэрд. – Особенно в такой глуши? Когда он приезжает в столицу, то живет в своем особняке, и экипажи у него там вполне

современные. А здесь он в этом не видит никакого смысла. И я тоже. Карета удобная, ход плавный, видимо, рессоры стоят надежные. Что еще нужно?

Лэрда поддержал маркиз, и Фугит вынужден был уступить, что-то проворчав о патологической жадности некоторых своих родственников. К счастью, дальних.

Плавно покачиваясь, карета набирала ход, и маркиз умиротворяюще заметил:

– Дорога хорошая. Хотя я и не понимаю, как граф этого добивается. Мы же едем в гору, а верхний песчаный слой наверняка смывает во время дождя. Неужели дорогу подновляют после каждого ливня? Это же несметные деньги.

Лэрд задумался.

– К сожалению, не помню, какими были дороги при старом графе, наверно, неплохими.

Но тогда еще была жива графиня.

Фугит поневоле заинтересовался.

– А почему графиня, а не граф?

– Потому, мой юный друг, что в графском имении всем заправляла эта ваша дальняя родственница. Она же и отговорила нынешнего графа от весьма неразумной женитьбы на сестре нынешнего наместника.

– Неразумной? Почему? – сэр Фугит нелепо взмахнул рукой, чуть не ударив при этом по лицу маркиза, вынужденного для безопасности отодвинуться от него подальше. – Что в этой женитьбе могло быть неразумного? Мне кажется, это был бы весьма выгодный брак.

– Для графа Контрарио породниться с какими-то там Медиаторами тоже, что с торговцами. Ведь кто такие Медиаторы? Выскочки без роду и племени.

Для беспечного Фугита род и племя не имели большого значения.

– Ерунда! Медиаторы – это власть и деньги, а это важнее, чем какая-то там голубая кровь! Тем более, что у всех нас кровь самая что ни на есть красная. И другой быть не может. Я это много раз проверял. На других, естественно! – и он грубо захохотал.

– У всех королей Терминуса была голубая кровь. – Маркиз не мог понять, как потомственный дворянин может не знать такой банальной вещи.

– Ну да, как у нас у всех.

– Нет, она не фигурально была голубой, а физически. – Лэрд присоединился к разговору, осуждающе покачивая седой головой. – Вы же видели, что геральдика нескио – три капли синей крови, связанные воедино. Этот герб дан ему самим Тернием V, предпоследним нашим королем. Как все знают, предок нескио был его побочным сыном. И титул «нескио», то есть попросту «знатный», был изобретен королем для своего сына после того, как аристократы отказались принять его в свои ряды.

Фугит вытянул тонкие бледные губы узкой презрительной трубочкой.

– Так это кровь? А я-то все гадал, что это за странный такой синий цветочек на гербе нескио?

Маркиз поморщился. Об этом мог не знать только такой профан, как Фугит. Интересно, его когда-нибудь хоть чему-нибудь учили?

– Если бы здесь был нескио, он сказал бы вам, что у некоторых представителей его рода, особенно поначалу, тоже была голубая кровь, – мирно поведал лэрд. – И в особой шкатулке хранится платок, запачканный такой кровью. Он мне его, кстати, как-то раз показывал. Она и в самом деле голубая. Скорее даже синяя.

– Пфуй! – Фугит оскорбительно рассмеялся. – Да вымочили этот ваш платок в синей краске, только и всего!

Маркиз уныло добавил, ему не нравился этот глупый спор:

– Говорят, во дворце тоже есть шкатулка с засохшей голубой кровью. Только в ней не платок, а рубашка последнего принца Терминуса, снятого с него после ранения.

– А кто из вас видел эту самую рубашку? – Фугит с видом превосходства оглядел спутников. Они промолчали. – Вот видите! И не надо сказочки мне рассказывать! Они хороши для простонародья, но не для благородного человека.

– Вы хотите сказать, любезный, что мы – жалкое простонародье, поскольку верим в голубую кровь королей, а вы – благородный человек, поскольку не верите? – тихо, с угрозой уточнил маркиз.

Назревавшую ссору прекратил повелительный окрик:

– Стой! Досмотр!

Маркиз удивился.

– Какой досмотр? Мы же здесь по приглашению графа?

Дверца кареты распахнулась, и внутрь заглянул дюжий стражник в нагруднике из дубленой буйволово́й шкуры. Он внимательно оглядел пассажиров. Чему-то кивнув, захлопнул дверь и протяжно крикнул:

– Пропусти!

Экипаж дернулся с места и поехал дальше.

– Ерунда какая-то! – Фугит выглянул в окошко. – Ничего не видно!

Он приоткрыл дверцу и высунулся из кареты, нависая над колесом. Но тут же сел обратно, сильно побледнев.

– Что случилось? – лэрд тоже с беспокойством выглянул в окошко. – Ничего не видно. Что вас так напугало?

– Я боюсь высоты! А мы едем над самой пропастью! Там невероятная глубина! – Фугит побледнел и подвинулся почти вплотную к маркизу.

– А ну-ка, дайте я посмотрю! – маркиз перегнулся через Фугита, и так же, как тот, распахнул дверцу кареты. С облучка донесся предупреждающий крик, но он не обратил на него внимания. Осмотрев окрестности, вернулся в исходное положение.

– Что там? – лэрд нетерпеливо спросил молчаливого попутчика.

– Обрыв, только и всего.

– И мы едем по самому краю дороги! Еще пара дюймов, и мы сверзнемся вниз! – визгливо уточнил Фугит.

– Вполне возможно, – спокойно согласился с ним маркиз и повернулся к лэрду. – Раньше дорога была столь же опасна?

– Нет, раньше такого не было, – поспешно ответил тот. – Прекрасно помню, дорога хотя и была такой же крутой, но от пропасти ее ограждала прочная чугунная ограда. Не слишком красивая, но надежная.

– Интересно, для чего граф ее убрал? В темноте здесь не проехать. – Фугит почувствовал приступ тошноты и торопливо вытащил из кармана грязный платок. Склонил голову к коленям и прижал его ко рту, превозмогая позывы рвоты.

Маркиз брезгливо отодвинулся к самой стене кареты.

– Для того и убрал, чтоб не проехать. Теперь замок практически неуязвим. Недаром же здесь стоят заставы. Это чтоб никто не мог застать его врасплох. Похоже, он готов к длительной осаде. Но вот только для чего столько воинственных приготовлений? Не собирается же он в одиночку противостоять войску наместника?

С дороги снова послышался требовательный окрик «стой»!

Маркиз спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Интересно, сколько же на дороге застав? Хорошо еще, что нас не обыскивают.

И снова, как и в прошлый раз, в карету заглянул стражник, на этот раз в металлической кирасе. Внимательно осмотрев пассажиров, он крикнул:

– Пропусти!

Раздался лязг металла, и карета двинулась дальше. Маркиз успел разглядеть с десятков перегородивших дорогу стражников с алебардами.

– Ничего себе! – он удивленно присвистнул. – И где они обитают? Здесь же ничего нет!

Голая дорога!

Но лэрд отдернул шторку и указал костлявым пальцем на небольшую полукруглую башню чуть в стороне.

– Форпост. Здесь несколько таких башен. Но прежде они пустовали. К ним даже мосты были разрушены.

– Похоже, граф их все восстановил. – Маркиз не стал продолжать, все было ясно без слов. Все подумали об одном: что же задумал граф?

После третьего досмотра лэрд признал:

– Теперь я верю в то, что говорили о замке крестьяне.

– А что они говорили? – оживился молчавший доселе Фугит. Сознание, что они едут над пропастью, оказало на него поразительно благотворное для его соседей воздействие. – Я сейчас тоже поверю во все, что угодно.

Маркиз заговорил зловещим голосом, будто рассказывал страшную сказку непослушному мальчишке:

– Они уверяли, что гора сложена в незапамятные времена легендарными великанами. Ее склоны, состоящие из скользких отполированных глыб, сложены так плотно, что между ними не видно даже самой крохотной трещинки, они неприступны для любых врагов. Ни кустика, ни травинки не растет на склонах этой странной горы. Все говорят, что гора заклята, а иначе с чего бы здесь была пустыня?

Фугит рассмеялся неестественным дребезжащим смехом.

– Да вы меня просто испугать хотите, как глупого недоросля!

Карета в очередной раз остановилась. Заглянув в переднее окошко, лэрд с облегчением заметил:

– Наконец-то добрались. Это смотровая площадка, за ней предмостная башня.

Снаружи донесся разговор охраны с кучером. Один из стражников, кряжистый мужчина с опущенным забралом, обошел вокруг кареты, пронзая ее внимательным взглядом. Но осматривать внутренности кареты не стал, видимо, и без того зная, кто внутри. Махнул рукой кучеру, разрешая проезд.

Открылись ворота, отделяющие башню от подъемного моста, и подковы лошадей звонко зацокали по железным перекрытиям, нависшему над огромным рвом со стоячей водой.

Лэрд тут же прикрыл нос надушенным платком.

– Ужас! Какая вонь!

Носы зажали все, даже неприхотливый Фугит.

– Похоже, ров не чистили с самого основания! Не воздух, а отрава!

Наконец ров закончился, и они подъехали к надвратной башне. Массивные ворота из литого чугуна поднялись и карета въехала на мощеную площадь. Там их уже ждал

спешившийся нескио. Его конь стоял рядом. Он пугливо прятал уши и бил передним копытом, порываясь ускакать. Нескио держал его под уздцы, успокаивающе поглаживая по холке. К нему подбежал один из слуг графа и увел коня в конюшню, умильно приговаривая:

– Ах, какой красавец!

Нескио подошел к попутчикам, похлопывая плеткой по высокому сапогу.

– А чугун для защиты замка не подходит, – с мрачным удовлетворением заметил осматривающий ограду Фугит, – он от одного добротного удара палицей разлетится вдребезги, как обычный чугунок.

Лэрд презрительно фыркнул.

– Разлетится! Неужели вы думаете, мой юный друг, что графы Контрарио были дураками? К тому же этот замок построен далеко до возникновения их не столь уж и древнего рода. Это же бывший форпост наших королей, Западный оплот! Здесь нет ничего *разбивающегося* от одного удара. Недаром эта крепость никогда и никому не сдавалась.

– Вы хотите сказать, сэр, что этот чугун заговоренный? – с недоверчивой усмешкой спросил Фугит. – Ерунда! Быть такого не может! Я сам столько раз разбивал эти такие надежные с виду чугунные ограды, не счесть!

Он не добавил, где он это проделывал, но это и так все знали. На Фугита подавались многочисленные жалобы от низших сословий. Особенно от тех бедных отцов, у кого были хорошенькие дочери, имевшие несчастье попасться на глаза Фугиту.

Старик сердито сжал сухими пальцами рукоять украшенной топазами трости.

– Я хочу сказать, милейший, что это вовсе не чугун.

– А что же тогда? – Фугит не скрывал своего скепсиса.

– Понятия не имею. Я не кузнец. – Лэрд махнул тростью в сторону ограды. – Разузнайте об этом у графа. Думаю, он знает об этом более моего.

Фугит с недоверчивой усмешкой огляделся. Здесь все поражало взгляд. Замок оказался гораздо больше, чем чудился снизу. Огромные серые стены угловых башен утопали в глубоком рву с гнилой водой, ров переходил в отвесные склоны скользкой горы. Перед замком раскинулась пронизываемая холодным ветром огромная площадь. По краям площади стояли хозяйственные строения, конюшни, дома стражников и прислуги.

Посередине росло несколько огромных дубов, казавшихся прародителями всех деревьев на земле; их верхние ветви нависали над вершинами башен. Они казались чужеродными среди холодных голых камней, напоминая, что где-то есть жизнь.

Навстречу гостям вышел сенешаль в лиловом балахоне поверх доспехов, больше похожем на одеяния рыцарей давно ушедших эпох, чем на современную одежду. Поклонившись, проговорил низким тягучим басом:

– С прибытием, рыцари! Господин ждет вас с нетерпением!

Маркиз презрительно расширил ноздри. Рыцари? Из какой же стародавней эпохи выпал этот сенешаль?

Будто расслышав его сомнения, лэрд с ехидной учтивостью заметил:

– Странно слышать, не так ли? Здесь время как будто остановилось. – И обратился к приветствовавшему их мужчине: – Дорогой мой, не могли бы вы продемонстрировать моему юному другу стойкость вашей, как он считает, весьма ненадежной чугунной ограды? Думаю, это будет весьма познавательное зрелище.

Сенешаль перевел внимательный взгляд на ухмылявшегося Фугита. Тот небрежно отмахнулся от предложения старика:

– Не стоит портить ограду ради того, чтоб доказать мне, что этот металл не чугун и не разлетится от одного небрежного удара. Я неплохо разбираюсь в металлах.

Эти заносчивые слова решили дело. Сенешаль взмахом руки подозвал к себе одного из стражников.

– Принеси молот из кузни. Только большой не бери. Что-нибудь поменьше.

Стражник принес из стоящей в углу площади кузни небольшой молот. Сенешаль хмуро предложил гостям:

– Укройтесь за деревьями. Надеюсь, ничего страшного не случится.

Фугит удивленно обернулся, намереваясь сказать лэрду нечто язвительное, но тот уже стоял за стволом самого мощного дуба. Поманил его рукой и указал на место рядом с собой. Удивленные попутчики встали рядом. Толщина дуба была такова, что за ним еще осталось место.

– Встаньте так, чтобы осколки вас не достали! – старик осторожно выглянул из-за дерева и громко попросил сенешаля: – Осторожнее, прошу вас!

К удивлению гостей, сенешаль велел стражникам уйти с площади и встать за каменными строениями. Сам, взяв молот из рук стражника, подошел к стоявшему за дубом Фугиту. Тот недоуменно рассмеялся.

– Вы что, хотите пристукнуть меня? Или кто вам еще не по нраву?

Не обращая внимания на насмешку, сенешаль размахнулся и легко, без усилия, бросил молот в сторону решетки. Фугит, высунувшийся из-за своего укрытия, увидел, как молот долетел до переплетений узорной ограды и вдруг рассыпался на мелкие части. Тут сенешаль резко дернул его обратно, и Фугит почувствовал, как могучее дерево содрогнулось от града возвратившихся осколков.

С минуту дуб мелко дрожал, пытаясь удержаться корнями за почву, потом медленно накренился и рухнул, заставив разбежаться схоронившихся за ним людей. К их ужасу, ствол упал на противоположную сторону рва, повиснув на высокой изгороди. Казалось, страшного удара изящным узорам ограды не выдержать, слишком тонкой и непрочной она казалась, а дуб был обхватом в несколько ярдов, но великан, ударившись об изгородь, переломился пополам, как тонкий прут.

Часть повисла на изгороди со стороны рва, а комель тяжело грохнулся о мостовую, заставив задрожать и гору, и стоящий на ней замок. Ограда даже не покачнулась. Казалось, она намертво врезана даже не в самую гору, а в ее основание, возможно, даже в самый центр земли.

Лэрд мелко захихикал, потирая ладони, удовлетворенный потрясенными лицами спутников.

– Ну, как вам этот жалкий чугунишко, сэръ?

Оглушенный и растерянный Фугит лишь нелепо покрутил головой. Нескио и маркиз, ошарашенные и обеспокоенные, не могли оторвать взгляда от ограды с висевшим на ней дубом.

На шум из замка вышел высокий стройный мужчина средних лет в черных панталонах и белой рубашке с кружевным жабо. Его хмурое лицо было недоброе и желчным, как у больного желтухой. Серые глаза в сеточке красных прожилок были неприятно холодными, будто неживыми. И все же он был красив какой-то дьявольской, опасной красотой.

– Что здесь происходит? – властно спросил он, глядя на рухнувшее дерево.

Сенешаль вышел вперед.

– Это моя вина, мой господин. Я бросил молот в ограду. Меня попросили продемонстрировать крепость металла.

Граф перевел взгляд на потрясенных гостей.

– Я должен был догадаться. Здравствуйте, благородные господа! – он отвесил небрежный общий поклон.

Все с трудом склонились в ответ. Вперед выступил лэрд, благородно спасая сенешаля от наказания.

– Это я послужил катализатором, граф. Но когда Фугит назвал вашу ограду ни на что негодным чугуном, я не смог сдержаться.

– А почему вы просто не рассказали о том, чему свидетелем были, по-моему, лет двадцать пять назад?

– Слова – это слова. К тому же Фугит, как обычно, настроен весьма скептически и вряд ли бы мне поверил. Он же считает меня выжившим из ума стариком.

Фугит выступил вперед.

– Признаю, я бы ему не поверил. Принял за красивую сказку.

Граф кивнул в знак понимания и сделал округлый жест правой рукой. На среднем пальце тускло сверкнуло старинное кольцо с грубо ограненным красным камнем.

До происшествия с оградой маркиз не преминул бы заметить, что у графа нет ни средств, ни вкуса, чтобы носить что-то более соответствующее его положению, но теперь попридержал язык. Кто знает, на что способно это кольцо? Возможно, в него вставлен тот самый Тетриус? И тут же опроверг сам себя: все знают, что камень королей синий, а в графском кольце камень красный. Значит, не он.

Граф вошел в донжон, его гости потянулись следом. Маркиз еще раз взглянул на вывороченный из земли огромный ствол дерева с разлапистыми корнями и вздрогнул. Как могло случиться, что молот, брошенный в ограду, раскололся на осколки, с немислимой силой срикошетившие окрест? Но размышлять над этим было некогда, все уже вошли в огромные ворота замка. Он поспешил за ними.

Глава вторая

Пройдя под мрачными сводами донжона, гости очутились в гигантском зале с закопченными балками под неприглядным серым потолком. Посредине пылал огромный камин, и жар от него волнами расходился по залу. Но возле стен все равно чувствовались промозглый холод и сырость. Шаги шедших по каменному полу гостей отдавались мертвенным эхом, заставляя их прислушиваться к зловещим шорохам, доносившимся из всех углов.

Маркиз, особо остро чувствующий опасность, вновь с досадой подумал, что ему-то, с его проницательностью, никак не стоило влезать в это гиблое дело. И ехать сюда по зову графа было никак нельзя. Но, раз уж он здесь, остается вести себя с подобающим ему герцогским достоинством, не нужно забывать, что он внук герцога, пусть и по материнской линии.

Фугит с силой топнул ногой, вслед за помчавшимся вверх эхом поднял голову и негромко заметил идущему рядом с ним лэрду:

– Судя по засиженным балкам, здесь должны водиться летучие мыши.

Его неуместные слова дробным гулом разнеслись по пустынному помещению. Шедший впереди граф обернулся и с язвительной усмешкой подтвердил:

– Конечно, они в замке есть. Особенно много их на чердаке. Но в этом зале их нет. В этом повинны крысы.

Этим заинтересовались все.

– Вы хотите сказать, крысы не дают плодиться летучим мышам? – лэрд был изрядно шокирован таким беспечным отношением к собственному дому.

Брезгливый маркиз с неодобрением огляделся. Ему захотелось немедленно уехать, но на данный момент это было невозможно.

– Ну да. Разве вы не знаете, что настоящие владельцы этого замка – серые крысы? И кто из графов Контрарио пренебрежет этим, плохо кончит. – Граф откровенно веселился.

– Но в прошлый мой визит в замок я не заметил ни летучих мышей, ни крыс. – Лэрд опасно огляделся. Крыс он не терпел.

– Да, матушка старательно боролась и с теми, и с другими. – Граф произнес это с непонятым гостям сарказмом.

– Так почему же вы не хотите последовать ее примеру? Разве так уж трудно вывести отсюда эту нечисть? – требовательно спросил лэрд.

– Потому что не хочу закончить свою жизнь так, как она.

С этими странными словами хозяин пошел вперед, а пораженные гости, недоуменно переглянувшись, двинулись за ним.

Поравнявшись с прихрамывающим лэрдом, маркиз подхватил его под руку и негромко спросил:

– А как окончила свои дни графиня, вы знаете?

Лэрд озадаченно pokrutil головой.

– Представления не имею. Знаю только, что она скончалась в своей постели в расцвете лет. Но ничего более конкретного.

Они вошли в полукруглый зал с выходящими на восток высокими стрельчатыми окнами. На стенах висели побитые молью старинные гобелены, выцветшие настолько, что сюжет на

них едва-едва угадывался. Стены подпирали набитые соломой ржавые доспехи рыцарей, которые не чистили, наверное, лет сто.

Посредине зала стоял большой овальный стол из потемневшего от времени красного дерева. На голой столешнице, занимая весь левый край, высился подробный макет королевства Терминус с окрестными землями. Макет был настолько правдоподобно выполнен, что неугомонный Фугит склонился над ним и принялся выискивать поместье отца.

– А, вот оно! – он ткнул пальцем в небольшое здание возле длинного озера в форме буквы J. – Я его по озеру узнал!

– Вы правы, о кладезь учености! – саркастично согласился с ним граф. – Это и в самом деле владение вашего отца, уважаемого сэра Пакката. – Но давайте присядем!

И граф взмахом длиннопалой руки пригласил гостей занять свои места. Они устроились за столом на противоположной от макета стороне. По правую руку от хозяина горделиво сел нескио, утвердив свое главенство. Сердито сверкнув на него глазами, по левую неохотно уселся маркиз. Тонко усмехаясь, лэрд устроился рядом с маркизом, и Фугиту пришлось сесть со страшшим его нескио. Он был недоволен и обеспокоен таким соседством, опасаясь обещанной оплеухи, но слова графа его отвлекли:

– Мой любезный родственник, как ваши дела? Надеюсь, с вашей драгоценной матушкой все в порядке?

– Вполне. Она благоденствует. – Фугит был на редкость краток, он не любил вспоминать мать с ее вечно дурным настроением и мерзкими капризами.

Граф с тонкой иронией подметил:

– О да, она же находится в лучшем женском монастыре королевства, среди вполне достойных дам. А если учесть, что для нее учинить скандал то же, что для менее возбудимых людей выпить бокал хорошего вина, то не стоит сомневаться, что она и впрямь благоденствует.

– О, аббатисой там досточтимая Фелиция, сестра нашего многоуважаемого наместника. Поэтому не стоит сомневаться, там все на высшем уровне. – Говоря это, маркиз внимательно следил за реакцией графа, но тот и глазом не моргнул.

– О, я в этом не сомневаюсь. Фелиция всегда была в высшей степени достойной дамой.

Маркиз случайно опустил взгляд вниз, к коленям графа, и заметил, как под столом рука Контрарио судорожно сжала рукоять висевшего на поясе небольшого кинжала, да так, что побелели костяшки пальцев.

«Ага! – пронеслось в мозгу маркиза, – похоже, наш друг Контрарио так и не забыл свою юношескую страсть. Интересно, на что он способен ради нее?»

Разочарованный Фугит в отместку задал графу чрезвычайно неприятный, на его взгляд, вопрос:

– А что произошло с вашей матушкой, граф? Мы были уверены, что она почилла в бозе на своей собственной постели.

В это время дверь открылась, и граф произнес:

– Заходи, Агнесс. – В ответ на заинтересованные взгляды гостей небрежно пояснил: – Это моя экономка.

Вошла красивая молодая женщина с серебряным подносом в руках. Гости понятливо переглянулись. Агнесс явно служила здесь не только экономкой. На ней было слишком дорогое для простой служанки шелковое платье с золотой вышивкой, стройную белую шею

оббивали длинные бусы из крупного ровного жемчуга. На светлых волосах красовалась искусная диадема с таким же жемчугом явно из фамильных драгоценностей графа.

Робко глядя вниз, Агнесс торопливо составила на стол запыленные бутылки с вином и золотые кубки, украшенные крупными рубинами. Присев в низком реверансе, спросила у графа:

– Что-нибудь прикажете еще?

Тот ответил каким-то слишком ласковым голосом:

– Нет, моя милая, можешь идти.

Она чуть не бегом выскочила из комнаты, подхватив подол длинной юбки. Нескио удивленно посмотрел ей вслед. Вела она себя вовсе не как фаворитка графа. Уж скорее как забитая служанка.

Контрарио взял в руки зеленую кривоватую бутылку и предложил:

– Одно из лучших вин моего подвала. Мадера столетней выдержки. Не желаете?

Фугит тут же протянул руку за кубком. Немного поколебавшись, нескио присоединился к нему. Лэрд отказался, сославшись на слабое здоровье. Маркиз тоже, соврав, что не пьет мадеру.

– Тогда, может быть, бургундское? – граф был сама любезность. – Его заложил еще мой дед, так что оно вполне достойно благородного рода маркизов Пульшир.

Маркизу ничего не оставалось, как согласиться.

Вино разлили по драгоценным кубкам. Граф тоже налил себе мадеры и отпил. Его примеру последовали остальные. Нескио одобрительно крикнул.

– Хорошее вино! Достойное самого короля!

Граф поднял кубок и полюбовался игрой драгоценный камней.

– Конечно, сейчас принято пить вино из стеклянных бокалов, но драгоценную посуду из которой ели и пили наши прадеды, я считаю лучшим украшением стола и подаю только дорогим гостям.

У маркиза на языке вертелась неприязненная фраза, что гостей в этом замке не было больше десяти лет, со дня смерти графини, но он благоразумно промолчал. Фугит, осушив кубок одним глотком, потребовал еще, и граф вновь налил ему до краев. Прежде чем тот принялся пить, небрежно бросил:

– Вы спросили меня, как почила моя матушка? На своей постели, вы правы, лэрд. Но отнюдь не в бозе. Ее загрызли крысы.

Фугит в изумлении поставил кубок на стол, так и не сделав ни одного глотка. Остальные ошеломлено смотрели на графа, ожидая разъяснения. Тот их дал, зловеще усмехаясь:

– Перед роковой ночью она провела потраву крыс, причем по всему замку вкупе с хозяйственными постройками. С собаками, ядом, ловушками и капканами, все, как полагается. В полночь из ее комнаты раздался дикий вопль. Отец и слуги бросились туда, но дверь открыть не смогли. Пока выбивали дверь, все стихло. Когда вошли в спальню, от матушки уже остались лишь до белизны обглоданные кости. – И Контрарио непринужденно поднес кубок к тонким губам.

– Но почему они не могли войти сразу? – маркиз отставил кубок с вином, поняв, что больше не сможет сделать ни глотка.

– Предполагаю, крысы держали дверь. Знаете, когда их очень много, они смертельно опасны. Матушка в этом убедилась.

– Крысы разумны? – нескио недоверчиво глядел на графа, обдумывая услышанное. –

Никогда в это не верил.

– Напрасно, нескьо, напрасно, – граф с наслаждением пил вино, – они не уступают в разумности людям. Возможно, и превосходят.

– Вы так хладнокровны, неужели вам ее ничуть не жаль? – пораженный лэрд не мог понять, отчего так спокоен граф. По его мнению, это было просто неприлично. В конце концов, речь шла о его родной матери.

– А чего ее жалеть? – граф растянул в неприязненной ухмылке бледный рот. – Она сама выбрала такую смерть. Ее многократно предупреждали, но она категорично заявляла: или я, или крысы. Крысы оказались сильнее. Или мудрее. И победили. С той поры никаких потрав в замке не было.

– Но как теперь вы можете жить в таком ужасном месте? – никак не мог успокоиться лэрд.

Граф пренебрежительно пожал плечами.

– Отец не смог. Как вы знаете, свои последние годы он провел в столице, в нашем городском особняке. А я считаю, что в замке ничего опасного нет. Если не ссориться с крысами, конечно. К тому же здесь безопасно. Никто не доберется.

– «Никто» – это стража наместника, так называемая королевская, конечно? – нескьо внимательно оглядывал стены, размышляя, не скрываются ли за ними крысы, которые, похоже, приятны графу куда больше людей.

– Вы правы. Но, кроме него есть еще неприятные особы, стремящиеся нарушить мой покой.

– И кто же эти смельчаки? – нескьо перевел на него ничего не выражающий взгляд.

Граф помедлил с ответом.

– Всякое бывает. Замок стоит на границе, пришлых много.

– Неужто наместник не охраняет западные границы? – наивно спросил Фугит, и дворяне с раздражением посмотрели на него. Неужто он и такой ерунды не знает?

– Эта обязанность была возложена на графов Контрарио еще королями, с той поры мы ее и выполняем, – с возрастающим раздражением пояснил ему граф, считая откровенным недоумком. – Впрочем, так поступают все владельцы пограничных земель. Хотя, надо признать, год от года охранять границы становится все сложнее.

– Но о проблемах на этой границе никто не слышал! – нескьо, охраняющий южные рубежи страны от имгардцев, насторожился.

– Просто я не считаю нужным доводить свои проблемы до наместника.

Нескьо с облегчением его поддержал:

– Правильно! Я тоже считаю его своим вассалом, но никак не господином, и со своими проблемами справляюсь сам.

Граф перевел на него тягучий взгляд.

– Вот именно по этому поводу я вас и пригласил. Я знаю, все вы недовольны властительством Медиатора. Признаю, я, аристократ и вельможа, потомок известных воителей и богачей, сию практически без средств. И виновен в этом Медиатор. Именно он запрещает увеличивать налоги с крестьян и горожан. Это его вина в том, что родовитые дворяне королевства все глубже погрязают в нищете, тогда как простолюдины живут припеваючи, ни в грош не ставя аристократов.

Оживившись, все в один голос заявили: «правильно»!

Граф поднялся и принялся вышагивать по залу, морщась при каждом шаге и говоря на

ходу:

– Если бы в Терминусе был король, законный владыка, все было бы по-другому! Он не позволил бы какому-то жалкому плебею указывать владетельным господам, что они могут на своей земле, а что нет! Но гордый род королей Терминуса пресекся пятьсот лет назад, аристократов становится все меньше и меньше, а род Медиатора все усиливается.

Лэрд с горечью добавил:

– Они и богатеют за счет государственных приисков! И считают королевскую казну своей!

Граф подтвердил сказанное энергичным кивком головы.

– Этому нужно положить предел! Если мы объединимся, мы сможем многого достичь.

– Как именно, граф? – нескіо вертел в руках золотой кубок и внимательно рассматривал тонкую вязь на его боках.

– Очень просто. Мы вполне можем убрать сразу все семейство. Сделать это нетрудно. Скажем, с помощью засады.

– А не проще ли сделать это с помощью Зинеллы? – маркиз сделал малоприличный жест рукой.

Граф настороженно посмотрел на нагло ватно ухмыляющегося Фугита.

– Нет, моя незаконнорожденная сестра пока ничего знать не будет. Это, так сказать, наш решающий козырь.

– Было бы гораздо лучше, если б она стала законной женой наместника.

Контрарио передернулся.

– Не думаю, что это возможно. Я прекрасно осознаю предел ее возможностей. Тем не менее, она всегда была мне полезной.

В разговор бесцеремонно вмешался Фугит, рассматривающий покрытый защитными надписями старинный панцирь, висевший возле него на стене.

– Граф, вы не могли бы мне показать вашу оружейную? Говорят, там много редкого оружия.

Граф изумленно на него воззрился, явно не понимая, как можно прерывать говорившего, так откровенно пренебрегая этикетом. Впрочем, он и сам нередко этим грешил, поэтому лишь спросил у остальных, не будут ли они так любезны подождать? Или, может, кто-то разделяет страсть сэра Фугита к редкому оружию?

Никто с ними пойти не пожелал, и граф с Фугитом отправились одни.

– Возможно, именно этого и ожидал досточтимый сэр Паккат? – лэрд спокойно отпил вина из своего кубка.

– Вы думаете, граф воспользуется моментом? – маркиз рассматривал рубины своего кубка на свет, пытаясь определить их ценность.

– Почему бы и нет? Он будет просто глупцом, если этого не сделает. Вы же знаете, что при Фугите нельзя говорить ни о чем серьезном. У него слова за пазухой не держатся.

– Ну, если сэр Паккат послал сына именно за этим, то кто мы такие, чтобы вмешиваться? – нескіо терпеть не мог дурного мальчишку и не скрывал этого.

Лэрд согласно кивнул:

– Что ж, вернее способа избавиться от этого оболтуса найти трудно. Надеюсь, у графа все получится.

Минут через десять вернулись ушедшие. Фугит имел вид глуповато-пришибленный, глядя на своих спутников так, будто увидал их впервые в жизни. Выспрашивать, что же он

повидал в оружейной, никто не стал. Было ясно, что он зачарован, но никто и не думал протестовать.

Решив, что Фугит больше не представляет опасности, лэрд предложил говорить начистоту:

– Засада очень ненадежное дело, граф. Медиатор и его сыновья закаленные воины. К тому же они не ходят без охраны. Яд куда вернее. – При этих словах лэрд пристально глянул на покрытые пылью и паутиной бутылки, и было непонятно, о чем конкретно он говорит.

Граф тонко усмехнулся.

– Я и хотел предложить именно это. Но боялся быть непонятым, – он многозначительно посмотрел на Фугита. – Я знаю, некоторые не умеют молчать. Вернее, не умели.

Фугит бестолково улыбался, явно не понимая, о чем идет речь.

– У вас одного есть возможность для тихого устранения всего семейства Медиатора зараз. – Лэрд обнажил в неприятной ухмылке почерневшие от старости зубы. – Вот только согласится ли ваша сестра убить собственного мужа, пусть ее брак и не освящен церковью?

– Зинелла сделает все, что я ей велю. – Граф зловеще нахмурил черные брови. – Ослушаться она не посмеет. Да и наместник ей так же неприятен, как и мне. Хотя она и вынуждена сожительствовать с ним.

– Хотел бы я быть так уверен в своих родных, как вы, граф. Похоже, она вас сильно любит, – маркиз не смог отказать себе в удовольствии в очередной раз уязвить Контрарио.

– Любит? – граф был озадачен. – Меня никто не любит. Она меня до чертиков боится и ненавидит, как и все прочие. – Он склонил голову, пряча в глазах пренебрежение, и учтиво заметил: – О присутствующих я не говорю. Впрочем, страх и ненависть куда надежнее любви, которая сегодня есть, а завтра нет.

В его голосе чуткому уху маркиза послышалось затаенное разочарование.

– Вам нравится внушать людям ужас, граф?

Тот на мгновенье замешкался.

– Пожалуй. Есть в этом своеобразная прелесть, вы не находите?

Маркиз боязливо заерзал под холодным взглядом графа, не зная, как вырваться из оков его железной воли.

– Но все-таки вы дадите поручение Зинелле? У нее единственной есть такая возможность, – лэрд упрямо стоял на своем.

Граф неохотно отвел глаза от своей жертвы и повернулся к лэрду.

– Вы правы, возможность есть. Но вот средства нет.

– Почему нет средства? Неужели она не хранит хоть несколько капель добротного быстродействующего яда? – лэрд не поверил графу. – Какая непредусмотрительность!

– Это не непредусмотрительность, это вынужденность. Когда умерла жена Медиатора, мне стоило большого труда обратить его взор на Зинеллу. Вы же знаете, она похожа на покойницу и лицом, и статью, хотя и изрядно уступает ей, увы. Медиатор взял ее в свои покои, но буквально нагишом. Все, что было при ней, уничтожили.

– Все знали, что она дочь вашего отца, граф.

– Этого никто и не скрывал. Но я и не дал ей ничего такого, что могло бы навести на определенные подозрения. Нужно было выждать.

– И вы ждали целых пятнадцать лет?

– Почему бы нет?

– Но она родила наместнику троих детей!

– И что это значит?

– Но женщина не может предать своих детей!

Граф обратил взор куда-то внутрь себя.

– Не может? Почему же это? Только не говорите мне о святости материнской любви. К тому же в наших с Зинеллой жилах течет кровь самого дурного рода королевства – кровь Сордидов.

На мгновенье вынырнувший из прострации Фугит привстал в язвительном поклоне:

– Благодарю вас, граф, за комплимент!

Тот небрежно махнул рукой.

– Не за что, мой дорогой родственник, не за что! Несмотря на то, что все это знают, перед женщинами этого семейства очень трудно устоять. Чему примером является и мое появление на свет, и ваше, мой отчаянный сэр Фугит. Наши отцы тоже не смогли устоять перед чарами наших матерей, хотя прекрасно знали историю их рода. И наши матери не обманули ожиданий. Впрочем, мой отец не слишком переживал по этому поводу, и доказательство тому – появление на свет Зинеллы всего-то через пять лет после его женитьбы.

– Он был давно знаком с ее матерью? Насколько помню, это побочная сестра вашей матушки.

– Верно. После смерти матери она надеялась стать графиней, но не получилось.

– Ваш отец проявил здравый смысл?

– Нет, его проявил я. Отец просто прислушался к моему мнению.

Гости переглянулись. Прислушался? Все хорошо знали буйный и независимый нрав прежнего графа. Интересно, как смог его сын, тогда еще виконт, найти нужные аргументы? И каковы они были?

Но уточнять никто не стал: в воздухе будто повис запрет на этот вопрос, и, подчиняясь ему, лэрд спросил вовсе не то, что хотел:

– Зинелла уже столько времени живет во дворце, неужто нельзя было передать ей такую малюсенькую вещь?

И граф пояснил:

– За Зинеллой следят. И следят пристально. Из дворца одну ее никуда не выпускают, к ней тоже пробиться невозможно. При ней только одна доверенная служанка, с которой я время от времени общаюсь, но ничего вещественного ей передать не могу. Вы же знаете, старшие сыновья медиатора не доверяют ни самой Зинелле, ни ее слугам. Поэтому яд нужно передать как можно более незаметно, совершенно постороннему человеку. Но имеющему доступ во дворец. – Контрарио посмотрел в глаза лэрду, безмолвно посвящая его в сообщники. – Насколько я знаю, лэрд, ваш старший сын дружен с Сильвером?

– Это так, – кратко подтвердил тот. – Вы хотите, чтоб я навестил сына и тихонько передал яд вашей сестрице?

– Вы все поняли верно, отдаю дань вашей проницательности. Но вам нужно сказать Зинелле условленную фразу: «ваша правая ножка стала еще прелестней».

– Что за ерунда?! – Фугит очнулся при слове «ножка» и заинтересовался идиотской, с его точки зрения, фразой. – Ну, ножки могут быть прелестными, не спорю, но почему только правая?

– Потому что на правой ноге у нее срослись мизинец и безымянный, и она всю жизнь это скрывает.

– Вы любите наступать людям на их мозоли, не так ли, граф? – поморщился нескио.

– Не всегда. Иногда я этой возможностью пренебрегаю. Хотя и неохотно.

– Для этого должна быть очень веская причина. – Нескио брезгливо стряхнул с пальцев налипшую паутину от бутылки.

– Конечно, – по-иезуитски согласился его собеседник.

– Крайне вам выгодная.

– Безусловно! – чтоб не дать втянуть себя в беспредметный спор, граф с лицемерным поклоном пригласил: – Если кто-то желает провести ночь в замке, буду рад. Ручаюсь за приличный ужин и удобную постель. Не думаю, чтоб в деревне было лучше. Постоялый двор там неплохой, но с замком не сравнится.

Маркиз с лэрдом дружно отказались. Фугит бестолково топтался на месте, явно не понимая вопроса.

– Я с удовольствием останусь, граф. Надеюсь, мы сразимся с вами в карты. Или перебросимся в кости. – Нескио был учтив, но слово «сразиться» прозвучало так, будто он предлагает сразиться на мечах.

Граф быстро поклонился.

– Вы спасли меня от горького разочарования, дорогой нескио! Уверен, скучать нам не придется.

Маркиз посмотрел на лэрда, тот в ответ незаметно пожал плечами. Этот упрямец все делает по-своему! Но и расплачиваться за свои глупости ему, а не нам.

– Вы сейчас передадите мне посылочку для Зинеллы, или мне привезет ее завтра нескио? – лэрд неосторожно наступил на больную ногу и поморщился.

– Что вы, лэрд! Кому я могу доверить такую вещь, как не вашей предусмотрительности и здравомыслию! От этой посылочки зависят не только наши судьбы, но, возможно, и жизни.

Граф торопливо вышел. Пользуясь его отсутствием, маркиз предупредил нескио:

– Вы слишком неосторожны, мой друг! Здесь все просто вопит об опасности!

– Вы правы. Вот я и хочу выяснить, какого рода эта опасность. И не повторяйте мне сказочку о крысах. Ни за что не поверю в такую чушь.

– Но вы же видите, что граф сделал с Фугитом за десять минут отсутствия! Не бойтесь, что тоже может произойти и с вами?

Ответить нескио не успел, вернулся граф с изящной маленькой шкатулочкой палисандрового дерева.

– Вот эта миленькая незаметная посылочка. Если вдруг кто-то захочет проверить, что там, то увидит лишь небольшой презент сестре от любящего брата. Там всего-навсего золотой запястный браслет на бархатном основании. И больше ничего. Так что вам ничего не грозит. Только не забудьте сказать нужные слова.

– Да, я помню: «ваша правая ножка стала еще прелестней». Даже если соглядатаи и удивятся этой странной фразе, то спишут ее на мой старческий маразм.

– Правильно, хотя маразм вам при вашем остром уме и не грозит. – Граф с изящным поклоном вручил шкатулку лэрду. – А теперь поспешите, через полчаса стемнеет, а вам еще ехать по моей не самой безопасной дороге.

Фугит все так же стоял, глупо пялясь в стену, и лэрд неучтиво подтолкнул его в спину.

– Поскорей, сэр! Уже темнеет. Надеюсь, вы не хотите сверзнуться в этот мерзкий ров?

Эти благоразумные слова заставили Фугита поспешно выйти из комнаты. Граф замыкал торопливое шествие. Решив, что он слишком напугал своих благоразумных гостей, произнес:

– Мой кучер может провести карету в темноте по краю дороги с закрытыми глазами. Мы это уже проверяли.

Но успокоительные слова графа не возымели должного действия. Гости проворно устроились в карете, прозвучал окрик кучера, ворота поднялись, и карета выехала на мост. Ни одного слова на прощанье сказано не было.

Вернувшись в замок, граф застал своего единственного гостя за созерцанием макета королевства. Не глядя на вошедшего, несккио задумчиво произнес:

– Чрезвычайно точный макет, граф. Кто его делал?

– Понятия не имею. Он был здесь всегда. Кстати, этот же вопрос я задавал своему деду, и получил точно такой же ответ. Замок очень стар, знаете ли. Возможно, этот макет был здесь еще тогда, когда нашего рода не было и в помине.

– А моего тем более.

– Наоборот. Если убрать все эти дурацкие условности типа законного брака, то ваш род гораздо старше моего, несккио. Вы ведь прямой потомок королей. Причем по мужской линии.

– Это верно. Но что это меняет? Давайте говорить начистоту, граф. Вы ведь считаете, что пустующий трон должны занять вы?

– Может быть, и я. А может стать, и вы. Надеюсь, вы не считаете, что там должен воссесть этот шут гороховый, маркиз Пульшир?

Несккио хохотнул. Он думал о маркизе точно так же.

– Нет, не думаю. Вот уж кто будет совершенно не на своем месте.

– Но вы же знаете, в чем загвоздка. Думаю, вы неплохо осведомлены об истории своего рода.

– Вы о роде несккио говорите или о королях?

– А вам не кажется, что это одно и то же?

– Возможно, но что вы имеете в виду?

– Трон, мой недогадливый несккио, трон.

– То есть легенда, по которой король должен обязательно воссесть на трон в тронном зале?

– Естественно! И вот в этом-то вся и закавыка.

– Вы считаете, что мы исчезнем, как исчез один из узурпаторов?

– Не один из, а прапрапрадед моей матушки, вознамерившийся стать королем Терминуса. И это бы ему удалось, если бы во время коронации он попросту не исчез, воссев на трон в короне и объявив себя королем. В хрониках написано, что вопль при этом был ужасный.

Несккио помолчал.

– Я это знаю. Поэтому вы хотите, чтобы королем стал я?

– Конечно! В вас течет королевская кровь, поэтому, я уверен, проблем с коронацией не будет. Наверняка трону все равно, освящен ли был церковью брак между вашими предками или нет. Кровь есть кровь. Доподлинно известно, что в вашем роду бывали случаи, когда в ваших жилах истинных потомков королей текла голубая кровь.

– А что станете делать при этом вы? – подозрительно прищурился несккио.

– Я, как и наш жеманный маркиз, мог бы претендовать на титул и поместья герцога Ланкарийского. Я тоже один из потомков боковой ветви. Став королем, вы могли бы мне этот титул передать. Этого мне достаточно, – его глаза хитровато блеснули.

Несккио задумался. Что-то все уж слишком легко складывалось. Он вырос среди

дворцовых интриг и понимал, что ему устраивают ловушку. Но вот какую?

– Хорошо. Над этим нужно поразмыслить. Надеюсь, вы не станете требовать от меня ответа немедленно, граф?

– Что вы, нескио, конечно, нет! Я понимаю, это предложение кажется вам подозрительным. В наше тревожное время нельзя доверять никому. Но давайте перейдем к ужину, я изрядно проголодался. Думаю, Агнесс нас уже заждалась.

Они пошли длинными темными залами, простирающимися нескончаемой анфиладой, в угловую башню. Факелы горели далеко не везде, и нескио порой казалось, что он шагает по какому-то странному месиву, порой даже ноги запинались неизвестно обо что.

Будто кто-то неизвестный предупреждал его: впереди опасность! Но как ни вглядывался он в полумрак под ногами, ничего не заметил. Шедший рядом с ним граф, напротив, шагал широко и безмятежно, мимоходом рассказывая о залах, по которым они проходили.

Но вот бесконечная анфилада закончилась, они вошли в просторное помещение. Полукруглые чисто вымытые окна и шелковые обои солнечно-золотистого цвета делали комнату радостной и уютной. Нескио удивленно заморгал. Он не ожидал увидеть вполне современную обстановку среди мрачного великолепия замка.

– Удивлены? – граф добродушно посмеивался. – Это часть Агнесс, и устроена по ее вкусу. Я люблю трапезничать здесь. Хотя, как вы наверное, догадались, парадные трапезные в замке выглядят совсем по-другому.

– Наверняка они огромные и помпезные. У меня в поместье есть и такие. Хотя мое поместье совершенно другое.

– Более приспособленное для жизни, вы хотите сказать?

– Естественно. Оно ведь не такое старое, как замок. К тому же строилось для мирной жизни, а не для войны.

– Да, замок построен для войны, вы правы. Даже не для войны, а для обороны. Если вы задержитесь завтра, я покажу вам установленные на башнях старинные катапульты, достающие врагов на расстоянии сотни лиг. Сейчас, в темноте, на стенах делать нечего, слишком опасно.

Нескио насторожился. Что может быть опасного ночью на башнях замка? Врагов там уж точно нет, а темноту вполне можно прогнать факелами.

Граф продолжил свою мысль: – Катапульты действуют, хотя ни мне, ни моим предкам к их помощи прибегать не доводилось. К счастью.

Они подошли к небольшому столу красного дерева, рассчитанному человек на двенадцать, не больше. На белоснежной скатерти с вышитыми шелком васильками уже стояли синие бокалы византийского стекла и пыльные бутылки, увитые паутиной. Тарелки из такого же синего стекла стояли напротив друг друга.

Нескио заметил, что стол накрыт только на двух человек, и недоуменно посмотрел на графа. Его фаворитка всегда ела вместе с ним, восседая во главе стола, как хозяйка.

Граф понял его взгляд по-своему:

– Если вы моете руки перед едой, нескио, в углу таз с водой. Агнесс считает, что грязные руки перебивают запах хорошей еды. Поэтому я мою руки перед едой. Готовит она хорошо, не хочу лишать себя редких в замке удовольствий.

И он первым пошел к серебряному тазу, полному теплой воды. Рядом стоял еще один такой же, и нескио последовал его примеру.

Вытерев руки расшитым белыми цветами полотенцем, они сели за стол. Нескио, еще

раз кинув внимательный взгляд на оставленные возле тазов полотенца, заметил:

– Полотенца из приданого вашей матушки, граф?

Тот кивнул.

– И они, и тазы, и многое другое. Она любила красивые вещи.

– Да, род Сордидов славится тягой к красивым вещам, – и нескьо с намеком посмотрел на подходившую к ним Агнесс с подносом, заставленной разной снедью.

Заметив, что ей тяжело, встал и учтиво принял из рук женщины нагруженный поднос. Она отшатнулась, с недоумением глядя ему в лицо.

– Нескьо – настоящий рыцарь в отличие от меня, Агнесс, – с ироничной интонацией заметил граф.

Нескьо молча поставил поднос на стол и сел обратно, предоставив женщине расставлять блюда по столу.

– Благодарю вас, но я и сама справлюсь. – Она снова низко склонила голову, поспешно расставила принесенные блюда и собралась уходить.

– Разве вы не составите нам компанию, Агнесс? – нескьо и сам не мог понять, для чего провоцирует графа. Агнесс хороша, конечно, но в его жизни были женщины и красивее. Взять хотя бы его нынешнюю фаворитку, Домину. Вот уж кто настоящая красавица. Так почему?

Агнесс с ужасом посмотрела на него, но возразить не успела.

– Да, Агнесс, почему бы тебе не составить нам компанию? Думаю, на кухне найдется, кем тебя заменить. – Граф произнес это не терпящим возражения тоном.

Агнесс покорно склонила голову.

– Хорошо, я сейчас приду.

Она ушла, но через пару мгновений вернулась, неся приборы для себя. Тут же показался парень в головной повязке с подносом, заставленным закрытыми кастрюльками, в которых что-то шкворчало и булькало. Агнесс потянулась, чтобы разложить еду по тарелкам, но граф грубовато махнул рукой, отправляя ее на место во главе стола. Покраснев, она заняла место хозяйки и замерла, не зная, что делать.

Мужчины, не скупясь, сами положили на свои тарелки горы разных яств и принялись за еду. Агнесс тоже положила себе немного пирога с голубями и осторожно откусила кусочек. Видно было, что трапеза с господами для нее непривычна и сильно смущает.

Нескьо больше не смотрел в сторону Агнесс, полагая, что внимание, оказываемое им фаворитке графа, отнюдь тому не льстит. Но все равно порой взглядывал на нее, скромно сидевшую между ними. Что в ней его привлекало, он не понимал.

Граф пару раз подливал ему бургундского, не забывая и себя, но нескьо это не смущало. Он прекрасно знал, что мог выпить полдюжины подобных бутылок без всякого для себя вреда. Главное, чтоб оно не было отравлено или заговорено. Но, судя по тому, как спокойно его пил хозяин, ему не грозило ни то, ни другое.

Наконец подали десерт, состоявший из нескольких видов засахаренных фруктов. Видя, что блюдо с фруктами слишком далеко от Агнесс, нескьо подвинул его к ней, за что получил мельком кинутый на него взгляд и негромкое «благодарю».

После окончания ужина они перешли в соседнюю комнату, обставленную просто и уютно. Даже без пояснений графа было ясно, что эта комната тоже входит в апартаменты фаворитки, или, как ее называл граф, экономки. Агнесс осталась в трапезной, тут же принявшись убирать со стола.

Они несколько раз с переменным успехом сыграли в кости, пока Нескио не зевнул во весь рот, едва успев прикрыться широкой ладонью. Граф спохватился:

– Что же это я! Вы же столько времени провели в дороге, а я навязываю вам ненужную игру! Простите! Я покажу вам вашу спальню. – И он громко воскликнул: – Агнесс!

Она появилась через пару минут, слегка запыхавшись, видимо бежав всю дорогу.

– Где ты приготовила спальню нашему гостю?

Агнесс с легкой укоризной взглянула на графа, но тут же вновь потупила взор. Нескио догадался, что спальню ему приготовили там, где приказал граф. Для чего это скрывать? Нескио не нравились эти мелкие секреты, но он здесь именно для того, чтоб разобраться, что задумал Контрарио.

– В южном крыле, рядом с оружейной, господин, – тихий голос походил на шелест опадающих листьев.

– Что ж, неплохо. – Граф поднялся, но тут же споткнулся и сел обратно. – Дьявол! Опять заболела нога! – И пояснил гостю: – В прошлом году я получил рану, не слишком опасную, но болезненную. С тех пор она жутко ноет к непогоде. Это неприятно. Похоже, будет гроза. Вы не обидитесь, если вас проводит Агнесс?

Нескио почуял подставу, но спокойно заверил, что никакой обиды он не чувствует. И не преминул поддеть графа:

– Когда мужчину сопровождает такая красотка, ему полагается радоваться, а не оскорбляться.

Граф сумрачно усмехнулся, метнул на нее повелительный взгляд, и Агнесс, не дожидаясь приказа, пошла вперед, прихватив со стены факел в металлической окантовке. Нескио пошел за ней. Заметив, что тяжелый факел подрагивает в слабых женских руках, попросил:

– Дайте факел мне, Агнесс. Он слишком тяжел для ваших нежных ручек.

Она остановилась и с недоумением посмотрела на него.

– Никто мне такого не говорил. Но возьмите, если вам так удобнее.

Нескио взял факел из ее руки. Высоко подняв его над головой, высветил длинный коридор, по которому они шли.

– А почему в замке нет свечей? Или хотя бы ниш для масла?

– У меня есть свечи. Я использую их у себя в комнатах. А масло дорого. У графа не так уж много денег, чтобы роскошествовать в замке. Здесь никто не живет.

– А вы?

Она снова удивилась.

– Я не в счет. Я имею в виду членов семьи, а я только прислуга.

Нескио никогда не экономил на близких, особенно тех, кто был ему хоть немного дорог, поэтому сочувственно покосился на нее, но промолчал. Кто он здесь, чтоб указывать хозяевам, как им нужно жить?

Они довольно быстро дошли до покоев, предназначенных гостю. Агнесс взяла из рук Нескио факел и воткнула его в настенный шандал. Затем распахнула дверь и вошла первой. Нескио вошел следом.

Комната была обставлена, как и все в этом замке, в унылых коричнево-пурпурных тонах. Но в ней пылал камин, было тепло и даже уютно от весело потрескивавших дров. В глубине, в алькове, стояла широкая кровать под балдахином, застеленная свежим льняным бельем. На столике подле нее в подсвечнике горели три свечи.

Войдя в комнату, Агнесс аккуратно притворила дверь, чтобы не выпустить тепло. Указав на стопку чистого мужского белья на прикроватной тумбе, застенчиво предложила:

– Здесь свежее белье, если хотите переодеться. А там, – она махнула рукой в противоположный конец комнаты, – горячая вода. Вино стоит на столике у окна. Вам еще что-нибудь нужно, господин?

– Нет, спасибо. Но, – тут он немного помялся, понимая возмутительность своего вопроса: – сколько времени вы живете с графом, Агнесс?

Она недовольно поджала губы, но ответила вежливо:

– Скоро десять лет.

– А сколько вам лет?

– Двадцать пять.

Он удивился. Ему казалось, что ей не меньше тридцати. Поняв его безмолвное удивление, она тихо протянула:

– Жизнь в таком месте не красит. Этот замок из всех высасывает красоту и молодость. Скоро граф заменит и меня. Я здесь далеко не первая.

– А где же предыдущие? Надеюсь, не в замке?

Агнесс отшатнулась и испуганно заявила:

– Я не знаю.

Нескио не поверил, уж слишком неверным был ее тихий голос.

– У вас есть дети?

Она посмотрела на него затравленным взглядом.

– У меня была малышка. Но она умерла. В замке не живут дети.

– А как вы попали в замок, Агнесс?

Она нервно затеребила жемчужные бусы на шее.

– Меня похитили.

Нескио насторожился.

– Как это было?

– Я с семьей шла куда-то, не помню, куда. Подъехала черная карета и меня закинули в нее.

– Где это было?

– Я не помню. Это было так давно.

– Но красть людей незаконно!

– Кого это волнует? Многие из замковой челяди похищены людьми графа посреди бела дня. Если бы я была из благородной семьи, а так... – она обреченно склонила голову.

– Я могу передать вашу жалобу наместнику. – Нескио не понимал, почему у него так сильно заболело в груди. Он не раз слышал подобные истории, но никогда они не вызывали в нем такого сильного отклика.

Агнесс испуганно протянула к нему руки.

– Только не это, умоляю вас! Мне никто не поможет, а граф меня тут же убьет! И хорошо, если только убьет!

Нескио хотел спросить что-то еще, но она взмолилась, еще ниже опустив белое от страха лицо:

– Я могу идти, господин?

Он обуздал свое докучное любопытство.

– Идите, я и сам справлюсь.

Торопливо присев в знак прощания, она заспешила к двери. В этот же момент и нескио сделал широкий шаг, желая по-рыцарски распахнуть их перед ней. Они столкнулись около дверей и на мгновенье замерли.

Агнесс от внезапности вскрикнула, подняв к нему голову. Нескио впервые посмотрел на нее мужским взглядом и понял, насколько же она хороша. В было красиво все – от голубых глаз с золотистыми искорками в глубине до высоко поднятых уголков губ.

Не осознавая, что делает, нескио по-медвежьи обхватил ее и поцеловал. Она тут же напряглась и отчаянно толкнула его в грудь. Он нехотя ее отпустил, чувствуя странное сожаление и глубокую печаль.

– Это не то, что вы подумали! – она заикалась от испуга. – Граф никогда не предлагает меня своим гостям.

– А если я попрошу у него тебя на эту ночь, что он ответит, как ты думаешь?

Она безнадежно посмотрела на него, повернулась и, рывком раскрыв дверь, побежала, подхватив пышные юбки. Факел остался на стене. Нескио с сожалением посмотрел ей вслед, порываясь догнать. Преодолев безрассудный поыв, плотно закрыл дверь, рассудив, что она и без света не заблудится в хорошо знакомом ей замке.

Сон прошел. Он сел на деревянную скамью возле камина и задумался, глядя на огонь. Поцелуй казался ему наваждением, до того хотелось продолжения. Наверняка это и есть наведенные на него колдовские чары. Недаром он сразу понял, что тут нечисто, когда граф отправил ее с ним. Ни один мужчина не будет оставлять свою любовницу наедине с гостем, если не хочет его ублажить. Или зачаровать ее красотой. И он, похоже, зачарован.

Но он справится с этим. Он закаленный в боях воин, его голыми руками не возьмешь. И даже такими сладкими ручками, как у этой коварной красотки.

Нескио пригрелся у жарко растопленного камина, его разморило и потянуло в сон.

Он уже дремал, когда от крайней башни, башни Агнесс, донесся едва различимый быстро оборвавшийся стон, и нескио понял: там что-то произошло. Но что? Было тихо, слишком тихо. Замок начал внушать ему какой-то странный нереальный трепет. Может быть, маркиз с лэрдом были правы, когда отговаривали его от ночевки здесь?

Он прислушался. Ему послышался тихий и безнадежный женский плач. И скорее не послышался, а почудился. Замок был слишком огромен, чтобы в нем были слышны отдаленные звуки. Тут даже никаких скрипов и шорохов, таких обычных в старинных зданиях, и тех не было. Здесь царила тишина, зловещая и пугающая.

Нескио осторожно выглянул в пустынный коридор. Никого. Но плач чудился все явственнее и громче. Он нащупал кинжал на боку, с которым никогда не расставался. Прикосновение к холодному металлу несколько его ободрило.

Факел на стене еще горел, и нескио, решившись, вырвал его из шандала. Подняв на высоту вытянутой руки, пошел на неверный звук, освещая путь колеблющимся пламенем. Он много раз поворачивал, шел то по одним полуосыпающимся лестницам, то по другим, пока не уперся в тяжелую низкую дверь.

Нескио с силой толкнул ее, она медлительно отворилась, и он сделал решительный шаг вперед. Резко пахнуло свежей кровью. Он быстро окинул помещение внимательным взором.

Это была маленькая пыточная камера. В углу стояла железная баба под веселым названием «примерь меня». Нескио и самому приходилось применять орудия пыток, но то было на войне. Он никогда не испытывал удовольствия от чужой боли. Но знал таких, для кого обязанности палача были наслаждением.

Посредине камеры на дыбе висела женщина со светлыми распущенными волосами, закрывавшими лицо. Нескио сразу понял, кто это. Охнув, поспешил к ней. Быстро вытащив кинжал, одним взмахом перерезал грубую веревку и подхватил ослабевшее тело. Убрав с ее лица длинные волосы, тихо спросил:

– За что он тебя так?

Агнесс с трудом подняла опухшее от слез лицо и принялась растирать красные полосы на запястьях, морщась от боли.

– Ни за что. Он так забавляется. Но дыба, это мелочи. Вот... – тут она замолчала и закусил губу. – Уходите! Если он застанет нас здесь, то убьет вас. А я не хочу. Вы единственный человек, который был добр ко мне. Уходите! Скорее!

– Уйдем вместе. Покажи мне выход из замка, и я увезу тебя из этой обители зла. – Нескио поддержал ее за талию, прижав к себе.

Агнесс тыльной стороной ладони вытерла с лица бежавшие слезы.

– Куда? Шлюхе графа нигде не будет пристанища.

– Я позабочусь о тебе! – горячо пообещал нескио. – Я могу устроить тебя в монастырь, где ты сможешь жить спокойно.

Она заколебалась, с надеждой подняв на нескио измученные глаза, и в тот же момент раздался довольный голос Контрарио:

– Молодец, Агнесс! Ловко ты заманила его сюда. Ты всегда была послушной рабой.

Нескио сделал быстрый шаг назад и прислонился к стене, сжимая в руке кинжал. Посмотрел на стоящую у двери женщину, дрожащую крупной дрожью, и понял, что граф лжет. Агнесс его не заманивала. Но послужила невольной приманкой.

– Можешь идти, ты мне больше не нужна! Ты сделала все, что должна была сделать! – Контрарио шагнул вперед и остановился в нескольких шагах от своего гостя. Агнесс медлила, и граф сказал уже со злостью: – Хочешь остаться и посмотреть? Думаю, тебе это будет полезно. Что-то в последнее время ты начала отбиваться от рук.

Покорно склонив голову, Агнесс бесшумно выскользнула за дверь.

Гадко ухмыляясь, граф снял с правой руки кольцо с дурно ограненным красным камнем и надел его на средний палец левой руки.

– Не вздумайте колдовать, граф, или я порежу вас на ленты для попоны! – нескио повернул кинжал острием к графу.

Тот беспечно возразил:

– Не думаю, чтоб вам это удалось, мой дорогой нескио. Хотел бы я посмотреть на того, кому это удастся. Вы сюда пришли сами, по доброй воле, а мне очень нужны верные друзья. И даже не друзья, а бессловесные рабы. Вот вы сейчас и станете моим покорным рабом. Как и все вокруг меня. Думаете, Агнесс придет вам на помощь? Нет, она просто безгласная кукла и сделает все, что я ей велю. Так было всегда и будет всегда. Никто не в состоянии мне противиться. Она сама прыгнет в колодец с крысами, когда придет время.

– Так вот куда девались ваши прежние любовницы! – ужаснулся нескио.

– Конечно, – равнодушно подтвердил граф. – Зачем кормить лишние рты?

– Но это бесчеловечно! Ведь их можно было просто отпустить!

– Они слишком много знали. Но прочь, пустые слова! – и граф поднял руку с кольцом, в котором кровавыми всполохами сверкал красный камень. – Смотри на кольцо!

Нескио взмахнул кинжалом, и вдруг застыл, опутанный невидимыми, но от этого не менее прочными путами.

– Вот так-то, мой дорогой гость! – заметил Контрарио с язвительной учтивостью. – Но не волнуйтесь. Не вы первый, не вы последний. И не беспокойтесь о нашем уговоре: он остается в силе. Очень приятно иметь на троне услужливую марионетку, не так ли?

Нескио тщетно противился опутавшим его чарам. Голову начал обносить красноватый туман, из которого доносились становившиеся непонятными слова:

– Повторяйте за мной, нескио: «Я клянусь исполнять все желания моего господина...»

Нескио хотел сжать зубы, но язык сам по себе принялся несвязно лепетать:

– Я клянусь...

Внезапно по ногам прошел порыв свежего ветра, дверь широко распахнулась, огонь, освещающий камеру, затрепетал и потух.

– Кто тут? – злобно завопил граф.

Послышался звук удара, потом глухой стук. Граф внезапно замолчал. Нескио кто-то цепко схватил за руку, и он, с трудом очнувшись от завладевшего им морока, на еще слабых ногах был вытянут в коридор.

При свете горевшего на стене факела нескио увидел смертельно бледную Агнесс. В ее руках был потухший факел, в глазах горел огонь непонятного ему чувства. Может, и ей приходилось бороться с наложенными на нее чарами? Ведь она полностью прошла через посвящение, к которому принудил его граф.

Агнесс решительно просунула в ручку двери рукоять факела, заклинивая дверь.

– Бежим! Скорее! Его это долго не удержит! – и она за руку потащила нескио за собой, вырвав на ходу из шандала на стене горевший факел.

Он запротестовал:

– Иди вперед, я за тобой, так у нас получится гораздо быстрее.

– Я не думала, что вы так быстро очнетесь, господин! – и она побежала вперед, освещая дорогу.

Через несколько минут они выбежали на площадь. Где-то мерно гроыхала обещанная графом гроза, все ближе и ближе подбираясь к замку. Уже видны были яркие сполохи молний и слышен раскатистый гром. Но дождя еще не было.

Агнесс кинулась к конюшням. Конь нескио стоял в крайнем стойле, нервно вздрагивая и прядя ушами. Агнесс сняла со стойки седло и уздечку. Вдвоем они быстро взнуздали жеребца, и нескио, запрыгнув в седло, протянул руку:

– Прыгай ко мне, Горр легко выдержит двоих.

– Мне еще нужно поднять ворота, иначе нам не выбраться. Но возьмите это, – и она подала ему яркую звезду, рассыпавшую вокруг синие искры. – Это знак посланника графа. Без него вас не выпустит стража. Прикрепите его на грудь. – И Агнесс побежала к сторожевым воротам. Возле них стоял стражник, она его знала.

– Арм, скорее открывай ворота! Граф приказал выпустить своего гостя!

Арм с недоумением посмотрел на нескио. Еще никто не уезжал из замка ночью, но приказания графа не обсуждались. К тому же на груди всадника сверкала дозорная звезда. Пожав плечами, он принялся крутить подъемное колесо. Ворота медленно поднялись, пропуская всадника. Но нескио остался стоять, протягивая руку к Агнесс.

– Быстрее! Вставай на мой сапог!

Она сделала шаг назад.

– Нет. Я проклята и только погублю вас. Я должна служить графу.

– Ты уже вырвалась из его власти, когда вызволила меня!

Она отрицательно покачала головой.

– Я не знаю, что со мной случилось. Но теперь этот порыв прошел, и уехать я не могу. Спасайтесь, пока здесь не появился граф и не поднял на ноги стражу. Скорее!

Нескио хотел подъехать к ней, чтобы силой закинуть на коня, но раздался такой зловещий удар грома, что Горр вскинулся и помчался вперед, не давая всаднику схватиться за уздечку. Услышав позади скрежет закрывающихся ворот, нескио понял, что Агнесс выбрала смерть. Другого исхода для нее он не видел.

Он хотел вернуться, чтобы помешать свершиться несправедливости, но конь, подгоняемый ударами грома и сверканьем молнии, мчался вперед, не обращая внимания на седока. Звезда, прикрепленная на груди нескио, в темноте сверкала все ярче, видимая издали. Ни на одной заставе его не остановили, и он благополучно добрался до постоянного двора, истерзанный если не физически, то душевно.

Вышедший на его зов заспанный хозяин, посмотрел на его потемневшее лицо и молча проводил в свободную спальню. С трудом отцепив от груди потухшую звезду, нескио спрятал ее в карман. Рухнул на постель, уставился в потолок, не понимая, жив он еще или уже нет. В голове вертелись слова Агнесс, угрозы графа, их странный уговор, и он не понимал, спит он или бодрствует.

Поутру его разбудил осторожно заглянувший в его комнату маркиз.

– Доброе утро, нескио! Когда вы вернулись? Честно говоря, мы не ждали вас так рано. Ночью была страшная буря. Во дворе старый дуб повалило прямо на ворота. Выхать невозможно. Но хорошо, что он упал не на конюшни, не то бы мы застряли здесь надолго. Как вы, нескио?

Тот чувствовал неприятную ломоту во всем теле, но ответил как обычно:

– Хорошо, спасибо за беспокойство, – рассказывать о своих ночных приключениях он не собирался.

– А как поживает граф? Хотя что это я! Спускайтесь к завтраку и расскажите нам о том, что было ночью. Не думаю, что вы прискакали посреди ночи в ужасную бурю просто так. Кстати, говорят, что замок горел. Насколько это верно, не знаю.

Маркиз исчез. Нескио поднялся. Чтоб прояснить сумбур в голове, окунул лицо в стоящий в углу таз с остывшей водой и спустился вниз, в ту же трапезную, где они обедали вчера. Ему хотелось бросить все и помчаться наверх, в замок, но, как опытный воин, он понимал, что это безнадежно. Дальше первой заставы он не проедет.

Даже если его и пропустят, что даст его появление в замке в одиночестве и безоружным? Сыграет на руку графа, только и всего. На сей раз Агнесс не удастся уберечь его от заклятья.

В трапезной уже сидели все его спутники. Взъерошенный и какой-то непохожий на себя Фугит разливал вино, а лэрд что-то негромко говорил, покачивая седой головой. При появлении нескио все замолчали и повернулись к нему. Фугит изобразил неумную радость, но при этом глаза его подозрительно ощупывали нескио с ног до головы.

– Как хорошо, что вы вернулись, дорогой друг! Мы как раз говорили о том, что, не появившись вы сегодня утром, нам пришлось бы ехать вас выручать. – Фугит был возбужден.

– Вам пришлось бы уехать без меня, – сухо вато поправил его нескио и сел напротив лэрда. – Потому что никто из вас в замок графа поехать бы не решился.

– Вы правы, – спокойно согласился лэрд. – Если бы вы попали в беду, выручить вас у нас не достало бы сил. Сами знаете, спорить с графом бесполезно.

– Да. Мне замок графа, да и он сам внушает немалое опасение. – Маркиз потянулся за

налитым Фугитом бокалом и отпил глоток, желая подкрепить силы. – Мне кажется, когда я встречался с ним в столице, он не был таким... зловещим.

– Думаю, он проявил свой истинный нрав на фоне своего зловещего замка. А, возможно, это мрачное место влияет на всех, кто живет там более-менее долго. – Лэрд подпер голову рукой и пристально наблюдал за визави.

Нескио тут же подумал об Агнесс. Возможно ли, что замок повлиял и на нее? Нет, не так. Замок, безусловно, повлиял на нее, он и ему-то стал поперек горла. Но изменил ли он ее внутреннюю сущность, как сделал это с графом, а, возможно, и со всеми, кто там обитает? Он вспомнил ее горестные глаза и отринул это подозрение. Ясно одно: ее нужно спасать. Если она еще жива.

Мысль о смерти Агнесс вдруг отозвалась в сердце такой острой болью, что он не услышал обращенного к нему вопроса.

– Нескио, вы здоровы? Вы как-то слишком рассеянны. – Лэрд смотрел на него участливо, но за участием скрывалось беспокойство.

– Да, все в порядке. – Голос нескио прозвучал глухо, будто от непролитых слез.

– Как вы провели время с графом?

– Не очень хорошо, как вы, наверное, уже догадались. Потому я и прискакал посреди ночи в бурю, что оставаться там долее было невозможно.

Он взял бокал и залпом выпил вино. Потом протянул пустой бокал Фугиту.

– Раз вы у нас сегодня за виночерпия, то плесните мне еще.

Тот поспешно наполнил вином бокал.

– Я разливаю вино, потому что все работники во главе с хозяином убирают упавший дуб. Мы намерены выехать как можно скорее, – вполне разумно пояснил он свои действия.

– Что ж, можно сделать вывод, – осторожно продолжил лэрд, – что графу с вами ничего сделать не удалось. Но он пытался?

– Пытался. – Нескио не хотелось сознаваться в своей глупости, но справедливость требовала признания. – Потому я и уехал.

– Мы вас предупреждали. Но хорошо уже то, что вам удалось спастись. Как вам удалось уехать без позволения графа? Замок слишком хорошо охраняется, чтоб уехать самовольно.

– Мне помогли.

– Тогда нам нужно ждать к завтраку еще одно лицо? – маркиз предусмотрительно отодвинул блюдо с голубями подальше от прожорливого Фугита. – Ведь вы непременно взяли с собой своего помощника. Насколько я знаю графа, тому не поздоровится, если ваш помощник окажется в его власти.

– Нет. Он со мной не поехал.

– Что ж, тогда да храни его Бог.

Нескио низко опустил голову и с силой сжал в руке бокал, рискуя сломать. Все замолчали, видя, как побелели его губы.

– Я звал его с собой. Он не захотел со мной ехать. Сказал, что проклят. – Это походило на жалкие оправдания, и нескио чертыхнулся. Потом хмуро добавил: – Я не хочу об этом говорить.

Все замолчали, понимая, что ему не до них. Едва они успели покончить со стоявшей на столе едой, как в дверь заглянул хозяин.

– Мы убрали дерево. Можно ехать.

Но тут воспротивился лэрд.

– Глупо пускаться в дальнюю дорогу сразу после еды. Мы часок передохнем. – И он отправился в свою комнату, намереваясь прилечь.

Маркиз с Фугитом принялись играть в кости на какие-то смехотворно малые суммы, а несккио вышел во двор, где еще валялись оторванные во время бури ветви деревьев, черепица с крыш, солома и разный мусор, поднятый в воздух неистовым ветром.

– И часто у вас бывают такие бури? – спросил он у убравшего двор половогого.

– К счастью, нет. Старики говорят, – тут он опасливо понизил голос и покосился в сторону замка, зловещей тенью видневшегося на горизонте, – что такое бывает, когда владелец замка неистовствует. Но так это или нет, не знаю.

Нескио хотелось сказать, что это истинная правда, он убедился в этом сам, но промолчал. Ни к чему слугам об этом знать.

Вышел за частокол, перешагивая через огромные сучья, лежащие на дороге. За оградой силуэт замка стал четче, рельефнее. Над башнями черным облаком кружилось воронье, и несккио вдруг отчетливо почувствовал опасность.

Он быстро развернулся и почти побежал обратно. Крикнув на ходу шатавшемуся по двору кучеру, чтоб немедленно запрягал лошадей, вошел в трапезную и на ходу сказал:

– Срочно едем! Собирайтесь! – и прошел наверх, громко говоря: – Лэрд, где вы?

Из-за одной двери раздался слабый старческий голос:

– Что случилось, несккио?

Он распахнул дверь и вошел. Лэрд спокойно дремал на широкой кровати, завесившись от яркого света пологом.

– Вставайте, нужно срочно уезжать!

Лэрд обеспокоенно сел на постели.

– Что случилось?

– Не знаю что, но нужно попросту бежать!

Лэрд встал.

– Хорошо. Думаю, вы лучше меня знаете, что делать. Велите слугам спустить вниз мои вещи.

Нескио кинулся прочь из комнаты. Крикнув хозяину, чтоб грузил поклажу в карету, вышел во двор. Кучер с грумом уже запрягли лошадей, и карета дожидалась их у входа. Маркиз с Фугитом сидели внутри на тех же местах, что и раньше, нетерпеливо ожидая попутчиков.

Едва несккио сел в карету, как маркиз признался:

– Знаете, мой дорогой, я тоже чувствую какую-то непонятную тревогу. Она снедает меня изнутри. – И в сердцах бросил: – Что же так медлит лэрд?

Но вот из дверей показался неторопливый слуга с походным сундуком лэрда. Поставив его на облучок, закрепил веревками и ушел, а из дверей вышел и сам лэрд. Непривычно торопливой рысцей добежал до кареты, с помощью грума взобрался по ступенькам внутрь и поспешно крикнул:

– Пошел! Да побыстрее!

Грум поднял ступеньки, запрыгнул на козлы, и застоявшиеся лошади, подгоняемые кучером, помчались крупной рысью.

Фугит выглянул в вымытое грумом окошко.

– Не понимаю, что делается в замке, но над ним носится туча воронья. Когда мы ехали сюда, ничего подобного не было. Что случилось?

Вопрос повис в воздухе. Все молчали, чувствуя тревогу и смертельную опасность.

– Зря мы не взяли с собой охрану, – с горечью заметил маркиз. – Но кто знал, что поездка будет такой опасной?

– Мы не могли взять с собой охрану, маркиз, – хладнокровно поправил его нескио. – Это было бы тоже самое, что доложить наместнику о наших намерениях. И не волнуйтесь, у нас есть еще время.

Никто не спросил, что за время имеет в виду нескио. Но через некоторое время тревога и вправду улеглась. Фугит снова уснул в той же расслабленной позе, что и раньше. Нескио тоже прикрыл глаза, делая вид, что дремлет, и вновь переживая все, что с ним случилось за прошедший тяжкий день.

Глава третья

У Агнесс от напряжения дрожали руки и колени. В голове мутилось от смертного ужаса. Неужели это она ударила графа по голове? Как она посмела? Что с ней случилось? Агнесс не понимала. Она знала одно: превращения нескио в безвольное, покорное воле графа существо она допустить не могла. И не допустила! Но что теперь будет с ней?

Подбежала к воротам. Из сторожки доносились громкие голоса стражников, но возле поворотного колеса стоял только один Арм. Это было нарушением и нарушением серьезным, за такое граф жестоко наказывал. На посту около ворот всегда должно было находиться не менее четырех стражников.

Она взглянула на удивленного ее появлением посреди ночи Арма. Стражник был недалеким, но исполнительным. Уверенным голосом она приказала открыть ворота, выпустить нескио. Стражник неохотно, но подчинился.

Но нескио без нее уезжать не хотел. Напрасно тратя драгоценное время, протянул руку, зовя за собой. Но она не могла с ним уехать. Колдовской камень уже звал к себе, притягивая магическим арканом, уничтожая силы и волю.

Раздался оглушающий раскат грома, и нескио унес испуганный конь. Агнесс видела, как оглядывался нескио, не желая оставлять ее на растерзание графу. Чтоб он не смог вернуться, она поспешно опустила ворота и безнадежно посмотрела ему вслед. Она должна принять свою судьбу. И не имеет права рисковать чужой жизнью. Особенно жизнью нескио, единственного человека, который был добр к ней.

С черного неба хлынул неистовый ливень. Моментально промокнув, Агнесс осторожно отошла от сторожки. Кроме стражника у ворот, на площади никого не было. Гроз здесь боялись.

Гора притягивала молнии, и на ее вершине, в продуваемом всеми ветрами замке, они сверкали куда чаще, чем внизу. Молнии били в башни, в дубы, не причиняя им особого вреда. Но если в этот момент поблизости оказывался человек или животное, от него оставалась только кучка обугленного пепла.

Граф запрещал прислуге выходить на открытые пространства в сильные грозы. Он не за людей беспокоился, он боялся остаться без слуг.

Агнесс повернулась лицом к замку. Его черная громада нависала над ней, давя все человеческие чувства. Навалилась безымянная тяжесть, не давая ступить ни шагу. Все. Конец. Теперь ее ничто не спасет. Она видела, каков бывает граф в приступах своего дьявольски бешеного нрава. Ей захотелось бежать, спрятаться. Но прятаться было бесполезно. Граф всегда знал, где она находится.

Хорошо, что гость спасся. Если бы она опоздала еще на одно мгновение, все было бы кончено. Нескио сопротивлялся, но камню сопротивляться невозможно, она испытала это на себе. Ее задержали поиски подходящего оружия. А когда она схватила наконец погасший факел, то не думала, что сможет опустить его на голову графа. А вот смогла.

Не значит ли это, что заклятье, которое он наложил на нее, стало слабеть?

И снова в ушах зазвучали часто ей снившиеся слова, произнесенные издевательским голосом графа:

– Я клянусь исполнять все желания моего господина... – И вдруг неожиданно для себя громко сказала: – Нет, я больше не буду покорной безмолвной куклой! Лучше умру!

Налетевший порыв ветра ударил ее слова об каменные стены и разметал торопливым эхом: «умру, умру, умру»...

Вздогнув, Агнесс отошла подальше от зловещих стен и с горечью посмотрела на упавший дуб. Как его жаль! В замке было так мало живого, настоящего, что гибель дерева казалась ей смертью хорошего друга. Она подошла и обреченно погладила лежащий на земле скользкий от воды ствол. Молча роняла слезы, не в состоянии сделать ни шагу.

Здесь ее и обнаружил граф. От виска к подбородку у него спускался багровый кровоподтек, некогда белоснежная рубашка была вымарана в грязи, и сам он больше походил на исчадь ада, чем на человека.

Опомнившись, Агнесс кинулась прочь, но он в два шага догнал ее и безжалостно схватил за волосы.

– Вот ты где! Я был прав: уехать с несию ты не сможешь! Еще никто из моих рабов не смог от меня сбежать! И ты исключением не будешь! Что он тебе сказал? – и он повернул к себе ее лицо, пронзая жестоким взглядом.

Он показал ей кольцо, камень полыхнул кровавыми всполохами, заставляя отвечать, но Агнесс обреченно молчала. Граф с проклятьями поволок ее вниз по мрачным переходам замка. Они были бесконечными, эти темные полуосыпавшиеся каменные лестницы, ведущие вниз, вниз, вниз. Она понимала, что ее ведут на смерть, но, опутанная магическими узами, ничего поделать не могла. Она снова превратилась в безгласную покорную тень без собственных желаний и воли к жизни.

Контрарио приволок ее в нижний коридор, где никто из графской челяди не бывал. Черные от влаги и плесени стены издавали отвратительное зловоние. Одной рукой он держал свою безвольную пленницу, другой открыл тяжелую дверь.

Втолкнув Агнесс внутрь с такой силой, что она не устояла на ногах и упала на колени. Контрарио закрыл дверь и несколько раз щелкнул огнем над плоской с маслом. На третий раз масло загорелось, и от него пошел еще более удушливый смрад, чем от стен.

– Столько лет не зажигали, протухло, – обыденно заметил граф, – но ничего, сейчас света будет побольше. – Он говорил это так, будто они собрались безмятежно пообедать в покоях Агнесс.

От разгоревшегося масла по стене побежала тоненькая ниточка огня, и вскоре засветились плоски с маслом уже во всем помещении. Агнесс с ужасом огляделась.

Так вот где ей придется погибнуть!

Видимо, это был один из нижних ярусов замка. Низкий сводчатый потолок затянуло мокрыми грязными тенетами, похожими на черную плесень. Пол был скользким от влаги, выступающей сквозь неровные камни пола. Агнесс подумала, что это просачивается гнилая вода из рва, и ей стало дурно.

Посередине помещения над полом возвышался выложенный необтесанными каменными глыбами колодец, закрытый чугунной крышкой со странными литыми знаками. Возле колодца стояло несколько каменных сидений. На одно из них граф и толкнул изменницу.

– Ты знаешь, что делают с такими, как ты? – его голос был спокоен, даже уютен. Так он с ней говорил очень редко, только тогда, когда был чем-то особенно доволен.

Агнесс прямо взглянула на него и с горечью признала:

– Догадываюсь.

Он злобно сверкнул глазами.

– Нет, не догадываешься! Потому что я и сам не знаю, что с тобой сделаю. В моей жизни это первый случай, когда из под моей власти выскользнул мой раб. Что произошло? Что тебе сказал нескио?

– Ничего. Просто он был добр со мной, – Агнесс вспомнила благородное лицо нескио, и выражение ее глаз смягчилось.

– Добр? – граф угрожающе склонился над ней и недоверчиво переспросил: – И только?

Она не стала отвечать, упорно глядя в стену. После утраты надежды у нее не осталось сил к сопротивлению. Да и к чему сопротивляться? Скорее бы уж конец. Неизвестность страшила куда больше, чем гибель. Но в подвале инструментов для пыток не было. Так что же приготовил ей граф за отступничество?

А он молча размышлял, не двигаясь и пристально глядя на свое кольцо. Камень странно мигал, бросая вокруг слабые красноватые отблески, будто обессилев.

– Неужели власть кольца кончается там, где начинается идиотская доброта? Такая ерунда оказалась сильнее Тетриуса? – граф брезгливо поморщился. – Как же мало я знаю. Но сейчас попробую узнать побольше.

Агнесс тоже посмотрела на искрящийся камень.

– Почему вы знаете мало? – странное любопытство заставило ее задать запрещенный вопрос.

Она ждала неотвратимого наказания, задавать вопросы графу запрещалось, но он неожиданно ответил:

– Потому что этот камень гораздо старше живущих ныне в стране. Это один из трех осколков, на которые был разделен единый камень из короны наших законных правителей, королей Терминуса. Его зовут Тетриус. И попал он ко мне случайно. Впрочем, тебя это не касается. Смотри на него!

Агнесс вспомнила, как впервые услышала этот приказ десять лет назад, и зажмурила глаза. Граф презрительно усмехнулся. Бесплодное сопротивление жертвы его не волновало. Камню не привыкать подчинять своей воле самых упорных строптивцев.

Правда, порой ему казалось, что он тоже, как и все остальные, только жалкий пленник чародейского камня. Возможно, так оно и было, потому что обладателем Тетриуса он себя не чувствовал никогда. Скорее, наоборот, это камень им обладал и властвовал, а он только исполнял его желания.

– Смотри на него! – вновь повторил приказ, заставляя ослушницу подчиниться.

Агнесс поневоле открыла глаза. Граф уже одел кольцо на средний палец левой руки и держал камнем к ней, на уровне лица. Взгляд ее снова, как в первый раз, приковался к искрящемуся все сильнее и сильнее камню.

– Повторяй за мной: Я клянусь исполнять все желания моего господина!

Искры из камня разрослись уже в настоящее пламя, оно жгло глаза и сердце Агнесс, заставляя забыть, кто она. Рот уже приоткрылся, чтоб повторить слова заклятья, но тут откуда-то из глубин памяти послышался голос нескио, несколько раз повторившего ее имя сильным и звучным голосом. Сердце откликнулось и забилось, сокрушая путы.

Камень сиял все ярче, но того морока, что овладел ей в прошлый раз, не было и в помине. Наоборот, она мыслила ясно и четко и вдруг поняла, что камню с ней не сладить.

Граф с раздражением повторил:

– Я клянусь исполнять все желания моего господина!

Вскинув голову, Агнесс посмотрела ему в глаза и четко произнесла:

– Я никогда не буду исполнять ваши злобные желания!

Граф опешил и опустил руку. Камень угас, будто миг растерял все свои магические свойства. Контрарио побагровел от приступа неконтролируемой ярости.

– Хорошо, тогда я расправлюсь с тобой по-другому! – он схватил ее за горло и приподнял, неистово тряся.

У несчастной женщины глаза вылезли из орбит, и она схватилась за его руки, пытаясь ослабить хватку. Это взъярило его еще больше.

– Давно пора от тебя избавиться! Отправить тебя к крысам!

Она побелела от животного ужаса.

– Нет! Только не это! Убейте меня сами!

– Не ты первая, не ты последняя полетишь в подземелье!

Говоря это, он бросил ее в мокрый угол, склизкий от плесени и застойной воды. Отвернувшись, принялся открывать чугунную крышку колодца. С трудом приподняв, с грохотом откинул ее на каменный пол. Снизу пахло мертвечиной и ядовитыми испарениями.

Агнесса с трудом вскочила и кинулась к дверям.

– Помогите! Помогите! – она принялась бить по дверям, обдирая в кровь руки о шероховатый камень.

Граф злорадно захохотал, сверкая полубезумными глазами. Широко расставил ноги и протянул к ней руку, намереваясь схватить.

– Ты что, полагаешь, кто-то поспешит к тебе на помощь? В мои дела не вмешиваются. К тому же замок слишком большой, чтоб отсюда слышны были хоть какие-то звуки. Да если даже кто-то и услышит твои вопли, не придет. Но крысы слышат все. И все знают. Это они исконные обитатели этого замка. Люди же приходят и уходят. Моя глупая мамаша думала, что может контролировать всех и вся, пока я однажды ночью не открыл этот люк и не любовался на серый ковер, покрывший все коридоры замка. О, они прекрасно знали, куда им надо идти! И что надо делать, тоже знали!

Агнесс попыталась увернуться, но поскользнулась на склизком полу и снова упала на колени.

– Вы сумасшедший! Вы давно сошли с ума!

Он наклонился над ней и тихо прошептал:

– Это я знаю. Думаю, я сошел с ума тогда, когда моя бессердечная родительница запретила мне даже думать о женитьбе на Фелиции. Вот тогда я и достал из семейной сокровищницы это кольцо. Оно валялось на полу в дальнем углу никому не нужное. Читая старинные хроники, я догадался, что это один из обломков Инкусса, и начал его изучать. Постепенно я раскрыл многие из его тайн. И становлюсь сильнее день ото дня. Возможно, я стал его рабом, возможно, он моим. Но тебе от этого не легче.

Агнесс пораженно вскинула к нему голову.

– Неужели вы стали таким из-за несчастной любви?

Это предположение ему не понравилось.

– Думаю, я был таким всегда. Что поделаешь, в моих жилах течет кровь Сордидов, грязная кровь.

– Это пустые отговорки! – Вскричала Агнесс, сжимая кулаки в бессильном гневе. – Вы просто ищете себе оправдания! И среди Сордидов были достойные люди!

Он прошипел, со злобой глядя на нее:

– Тогда ты знаешь больше меня, потому что я с такими не знаком.

– Вы выдали себе индульгенцию на все свои отвратительные поступки. Но подумайте, что бы сказала Фелиция, если б о них узнала?

Граф снова громогласно рассмеялся. Его злобному смеху вторило раскатистое эхо, заставляя Агнесс сильнее сжиматься от страха.

– А она о них знает. Я не делаю из них секрета. К тому же она давным-давно для меня ничего не значит. С тех самых пор, как отказалась бежать со мной.

Агнесс стало жалко себя до слез, своей горестно прожитой жизни.

– Если бы не вы, я сейчас была бы замужем и жила тихой, достойной жизнью!

– Если бы тебя не украли мои люди, ты хочешь сказать?

– Да!

– Глупости! Неужели ты считаешь, что быть замужем за простолюдином лучше, чем быть фавориткой графа Контрарио?

– Это достойнее! И таких, как я, в народе называют шлюхами!

– Фи, как грубо! Но тебя уже все твои родные забыли, так же как и ты ничего не помнишь про них. Точно так же тебя забудут и те, кто жалел тебя здесь. А тебя ведь многие жалели, не так ли? Ты же хорошо вопила во время наших соитий. Я люблю, когда мои шлюхи вопят от боли.

С потолка шлепнулся кусок черной плесени, попав графу на рукав, и тот скривился от брезгливости.

– Ну, достаточно пустых разговоров! Ты и так задержалась здесь дольше всех прочих. Впредь мне наука – не привязываться ни к кому. Все равно предадут.

Контрарио схватил Агнесс за запястье, вывернув так, что она закричала от боли, и потащил к колодцу. Ее мольбы и слезы раздражали его еще больше. Когда до колодца оставалось несколько дюймов, она бросилась на пол и уцепилась за полу его камзола. От неожиданности граф пошатнулся, и Агнесс с остервенением ударила его по ногам.

Граф не ожидал сопротивления. Поскользнувшись на скользком полу, прокатился по нему и рухнул в колодец. Но успел уцепиться обеими руками за каменное ограждение, повиснув на самом краю.

– Помоги мне вылезти, и я тебя прощу! – голос графа уже не был злобным, он был молящим, проникающим в самую душу.

Агнесс на мгновенье заколебалась, но тут снизу донесся ужасающе мерзкий писк, и она опомнилась. Сорвала с его левой руки перстень и пнула по правой руке ногой, обутой в тяжелый башмак.

Граф с диким воплем полетел вниз. Агнесс с трудом подвинула на место тяжеленную крышку и обессилено упала на каменную скамью.

Прислушалась. Внизу было тихо. Ни крысиного писка, ни человеческих криков. Вряд ли крысы покусятся на своего господина, пусть даже лишившегося злодейского кольца. Нужно спешить, пока он не выбрался наружу! Не в силах подняться, помедлила несколько мгновений, пытаюсь осмыслить случившееся.

Она свободна! Свободна от заклятья! Значит, этот Тетриус вовсе не всемогущ, как полагал граф! Он ошибся, злобному камню можно противостоять!

Агнесс с трудом поднялась со скамьи, грубые башмаки разъезжались на скользком полу. Налегая плечом, открыла каменную дверь. Та с угрожающим скрипом отодвинулась на несколько дюймов. С трудом протиснувшись в узкий проем, пошатываясь, стала подниматься

по бесконечным лестницам, хватаясь за заросшие тенетами стены.

Она никогда здесь не бывала и довольно долго блуждала, прежде чем вышла в знакомый коридор, соединяющий донжон с боковыми башнями. Наконец, впереди замерцал неверный свет факелов, и через боковой вход она вышла к своей башне.

Прислонилась к холодной стене, не замечая промозглого холода, и судорожно перевела дух. Она жива! Жива, несмотря на обещание графа ее убить!

Осторожно, стараясь не потревожить спящих внизу слуг, пробралась к себе. В спальне взглянула в зеркало и не узнала себя. На нее смотрела незнакомая растрепанная женщина с безумными глазами, залитым слезами и кровью лицом, в перепачканном грязью и мерзкой слизью платье. Что-то жгло руку. Она разжала судорожно сжатый кулак и ужаснулась. На ладони лежало мерцающее кровавыми всполохами кольцо графа.

– Что я наделала? Зачем мне оно?

Камень вспыхнул ослепительным красным огнем, будто хотел навязать ей свою волю, как это делал граф. Испугавшись, Агнесс бросила кольцо в затухающий камин и замерла, не отрывая взгляда от вспыхнувшего в нем неестественно синего пламени. Оно горело, не потухая.

Что-то зашуршало под полом. Крысы! Опомнившись, Агнесс смыла кровь с лица и рук в тазу с водой и задумалась. Что ей делать? Побег из замка невозможен, у ворот и по дороге стоят заставы. Ее не пропустят.

Она подошла к окну. Под слепящим светом молний высветился дуб, лежащий поперек рва. Попытаться перебраться по нему?

Если она не хочет вновь попасть в лапы графа, нужно хотя бы попытаться. Другого выхода нет.

Вытащила из сундука кипу одежды. Среди нее была и мужская, пошитая ею для графской челяди. Вот этот кафтан с камизой вполне ей подойдут. Неотбеленные, светло-коричневого цвета, они не будут привлекать к ней любопытных прохожих. Она будет похожа на обычного крестьянского мальчишку.

Скинув отвратительно грязное шелковое платье, натянула мужскую одежду. Хорошо, что кафтан свободный, скрывает грудь. На пояс повесила мешочек с огнивом и кресалом, они могут пригодиться в любой момент.

Еще ей нужны деньги, ведь придется скрываться от графа и его слуг, которые непременно бросятся в погоню. Бросив взгляд на шкатулку с драгоценностями, якобы подаренными ей графом, решила их не брать. Она надевала их только по приказу графа с тайным трепетом в груди.

Эти драгоценности граф дарил каждой очередной любовнице, после того как отправлял к крысам ее надоевшую предшественницу. На этих ужасных украшениях кровь.

Собрала в небольшой узелок все, что могло понадобиться на первых порах, закинула его за спину и выскользнула из комнаты.

Спустившись вниз, прислушалась. В замке, как обычно поздней ночью, царила тишина. Агнесс осторожно прокралась в покои графа. Никто ей не встретился, хотя она и ожидала засады за каждым углом.

Здесь она бывала редко, только по зову господина. Хозяйством графа заведовал мажордом, и экономке здесь делать было нечего. Тем не менее она знала, где что лежит. Когда граф звал ее к себе, он не считал нужным скрывать от нее мелкие тайны: был уверен, что ей никуда из замка не деться.

Покои графа были не заперты, но темнота не давала найти то, что нужно. Агнесс зажгла масляную лампу, осветившую неярким светом большую комнату с темной мебелью и мрачными дубовыми панелями, за которыми раздавалось тихое шебуршание.

Поежившись от брезгливости, Агнесс открыла шкафчик с деньгами, предназначенными на ведение хозяйства. Она выгребла их все, сложила в холщовый мешочек из-под специй, хранившихся тут же, на полке.

Взгляд ее упал на сундук с оружием. Вспомнив, что ей нужен крепкий нож или кинжал, открыла кованую крышку сундука и откинула ее к стене. Крышка глухо стукнула. Агнесс испуганно вздрогнула и на мгновенье замерла. Но в комнате было тихо, и она успокоилась.

В маревом свете лампы тускло блеснуло оружие. Мечи и кинжалы лежали вперемешку, все они были изукрашены замысловатой резьбой и драгоценными камнями. Ей они были ни к чему. Слишком дорогие. Только привлекут к себе опасный интерес, и к ней заодно.

Она решила бежать на кухню за обычным кухонным ножом, рискуя попасться на глаза встающим за полночь поварам. Закрывая крышку, увидела с внутренней стороны углубление, а в нем небольшой кинжал без украшений, не считая одного небольшого камня на рукоятке. Рядом лежали и ножны от него, такие же простые, как и остро отточенное лезвие. Недолго думая, вставила кинжал в ножны и прицепила к поясу. Погасив лампу и прикрыв дверь, бесшумно сбежала вниз.

Во дворе грохотала настоящая буря, заливая площадь потоками воды. Бесперывно сверкающие молнии освещали все вокруг мертвенным слепящим светом. Под оглушающие раскаты грома Агнесс добралась до конюшни. Немногочисленные конюхи были уже там, успокаивая испуганных лошадей.

[Купить полную версию книги](#)